

Борьба с допингом в олимпийском спорте: кризис и пути его преодоления

Владимир Платонов

АННОТАЦИЯ

В статье подвергнута анализу борьба МОК с допингом и деятельность Всемирного антидопингового агентства (WADA). Показано, что многолетняя деятельность этого Агентства, несмотря на постоянно возрастающие финансовые, кадровые и юридические возможности, интенсивную пропагандистскую деятельность, многократно возросший объем тестирования, жесточайшие санкции, поддержку авторитетных международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы), не только не приблизила олимпийский спорт к решению проблемы, но и резко обострила ее. И дело здесь не столько в резко возросшей в последние годы конкуренции в спорте высших достижений, социально-политической и коммерческой притягательности успехов на Олимпийских играх, сколько в принципиально ошибочной методологии, положенной WADA в основу своей деятельности и основанной на пренебрежении достижениями биологической, медицинской и спортивной науки, реалиями современного спорта высших достижений и построенной на основе воззрений юристов, экономистов и «управленцев-универсалов». Подробно представлены итоги деятельности WADA, проявившиеся в многочисленных кризисных явлениях, далеко вышедших за рамки олимпийского спорта, обозначены перспективы выхода из развившегося тяжелого кризиса в этой сфере.

Ключевые слова: допинг в олимпийском спорте, антидопинговая деятельность, WADA, Всемирный антидопинговый кодекс, кризисные явления.

SUMMARY

The paper analyses the modern history of the spread of doping in Olympic sports, the IOC's fight against this negative phenomenon and activities of the World Anti-Doping Agency (WADA) established in 1999 and designed to eradicate doping. It is shown that, despite the ever-increasing financial and human resources and legal capabilities, intensive propaganda efforts, increased volume of testing, severe sanctions, and support from reputable international organizations (UN, UNESCO, Council of Europe), the Agency's multi-year activities is not only brought Olympic sport closer to solving the problem, but also dramatically aggravated and made it dangerous for the credibility and the well-being of the Olympic movement. It is not only and not so much about the competition in elite sport that dramatically increased in recent years along with socio-political and commercial attractiveness of success at the Olympics, but about fundamentally misguided methodology underlying the WADA activities and based on the neglect of the achievements of biological, medical, and sports sciences and the realities of the modern high performance sport, and drawn up on the ideas of lawyers, economists, and «universal managers». The paper outlines in detail outcomes of the activities of the WADA and anti-doping laboratories accredited by the Agency, which manifested themselves in many crisis phenomena moved far beyond the limits of the Olympic sport. Furthermore, the prospects of coming out of the grave crisis developed in this area are delineated.

Keywords: doping in Olympic sports, anti-doping activities, WADA, the World Anti-Doping Code, WADA prohibited list, crisis phenomena, rights of athletes and physicians.

© Владимир Платонов, 2016

Допинг – это явление, которое занимает особое место в спорте высших достижений. Его применение входит в противоречие с основными принципами спорта, идеалами и ценностями философии олимпизма. Вполне естественно, что Международный олимпийский комитет уже более полувека ведет активную борьбу с этим явлением, а в 1999 г. способствовал учреждению специальной международной организации, призванной бороться с допингом, прежде всего на мировой олимпийской арене, – Всемирного антидопингового агентства (WADA). Однако многолетняя деятельность этого Агентства с постоянно увеличивающимися юридическими, финансовыми и кадровыми возможностями, непрерывной доработкой и переработкой базовых документов, активной информационной и пропагандистской деятельностью, расширением и ужесточением санкций проблемы борьбы с допингом не только не решает, а делает ее все более и более острой. Количество допинговых скандалов и острых конфликтов в разных олимпийских видах спорта только возрастает, обвинениям и наказаниям подвержены не только спортсмены, но и их тренеры, врачи, обслуживающий персонал, чиновники. В проблему втянуты ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, руководители и высокопоставленные представители законодательных и правительственных органов многих стран. В средствах массовой информации допинговые скандалы отодвигают на второй план собственно спортивные события, что самым негативным образом сказывается на авторитете и популярности Олимпийских игр, превращая их в общественном сознании в явление с массовыми мошенническими и коррупционными проявлениями.

А как обстоят дела с наиболее популярными видами профессионального спорта – футболом, автогонками «Формула-1», гольфом, боксом, североамериканскими командными игровыми видами (американским футболом, бейсболом, баскетболом, хоккеем)? Борьба с допингом, как и с другими негативными явлениями, здесь ведется, причем достаточно активно, но без драматизации – отдельные нарушения, скандальные происшествия и наказания имеют место, однако их уровень и

количество несопоставимы с масштабом собственно спортивной деятельности и не оказывают существенного влияния на популярность и авторитет вида спорта. А ведь все эти виды являются популярными у зрителей, средств массовой информации и спонсоров, и в этом отношении некоторые из них не только конкурируют, но и превосходят Олимпийские игры.

Поэтому специалисты, любители спорта, широкие слои общественности задаются естественным вопросом: почему в олимпийском спорте проблема допинга является неизмеримо более острой, чем в профессиональном спорте? И находят ответ в методологии борьбы с допингом. В олимпийском спорте ее сформировало Всемирное антидопинговое агентство при поддержке МОК. Однако в указанных видах профессионального спорта с этой методологией категорически не согласны, реализуют собственные подходы противодействия применению допинга и с WADA сотрудничать отказываются, а если и сотрудничают с отдельными антидопинговыми лабораториями, то на основе собственной политики.

Поэтому имеет смысл разобраться в том, действительно ли в олимпийском спорте проблема допинга стоит столь остро, что является для него серьезнейшей угрозой, или же методология борьбы с допингом, созданная WADA антидопинговая система превратили ее в таковую.

БОРЬБА МЕЖДУНАРОДНОГО ОЛИМПИЙСКОГО КОМИТЕТА С ПРИМЕНЕНИЕМ ДОПИНГА И СОЗДАНИЕ ВСЕМИРНОГО АНТИДОПИНГОВОГО АГЕНТСТВА

До прихода в 1980 г. к руководству МОК Хуана Антонио Самаранча борьба с применением допинга в олимпийском спорте проводилась, однако не имела принципиального и систематического характера. Борьбу с допингом Х. А. Самаранч выделил в одно из приоритетных направлений деятельности МОК. Однако принятые меры проблемы не решали. Медицинская комиссия МОК, возглавляемая Александром де Меродом, была недостаточной активной и последовательной, а в конце 1980-х – начале 1990-х годов произошла серия

скандалов, связанных с массовым применением допинга в Канаде, США, ГДР, Болгарии.

Будучи серьезно обеспокоенным положением дел с допингом и отсутствием реальных достижений в борьбе с его распространением в спорте, в начале 1990-х годов МОК пошел по пути увеличения финансирования антидопинговой деятельности и дальнейшего ужесточения санкций, но реальных результатов это не принесло. Разработка и внедрение новых эффективных препаратов и методов сокрытия использования допинга явно опережали развитие системы антидопингового контроля.

Достижения антидопинговой системы оказались намного скромнее по сравнению с деятельностью людей, внедрявших различные допинговые вещества и методы в олимпийский спорт. Случаи выявления применения допинга были редкостью, но в то же время косвенные данные, многочисленные материалы СМИ, высказывания экспертов, самих спортсменов, их тренеров и врачей свидетельствовали о том, что борьба с допингом не принесла каких-либо весомых положительных результатов: это явление распространилось, а в отдельных видах спорта приобрело массовый характер [10].

Начала просматриваться и незаинтересованность международных и национальных спортивных федераций в выявлении случаев применения допинга, особенно выдающимися спортсменами. Известен, например, огромный урон, нанесенный авторитету таких популярных видов спорта, как легкая атлетика и тяжелая атлетика, серией дисквалификаций выдающихся спортсменов, уличенных в приеме запрещенных препаратов. Как показала практика, в таких скандалах не были заинтересованы ни спортивные федерации, ни многочисленные фирмы-спонсоры.

Начиная с конца 1990-х годов специалистами спорта, представителями деловых кругов и СМИ была подвергнута справедливой критике сама концепция МОК по борьбе с допингом как недостаточно обоснованная и страдающая серьезными просчетами (не говоря уже о практике деятельности антидопинговых лабораторий, которые, будучи призванными бороться за чистоту и соблюдение морально-этических принципов в спорте, своей деятельностью являли много примеров противоположного свойства). Имели место случаи, когда санкции против применения допинга не только вызывали вопросы у общественности, но и стали оспариваться в гражданских судах.

В частности, достаточно обоснованно были подвергнуты критике все основные аргументы,

которые были положены в основу концепции борьбы с допингом:

1) применение допинга недопустимо по морально-этическим причинам в связи с тем, что он запрещен;

2) допинг дает одностороннее преимущество спортсменам над соперниками, не применяющими допинг;

3) запрет на применение допинга обусловлен заботой о здоровье спортсмена.

Каждый из этих аргументов представляется вполне обоснованным и не вызывающим сомнений, но лишь в том случае, когда базирующаяся практическая деятельность логична, непротиворечива, имеет строгие научные основания.

Не вдаваясь в глубокий анализ, отметим наиболее явные противоречия между исходными посылками и реальной практикой, которые вызывали обоснованную критику.

Естественно, что средства, запрещенные к применению, совершенно недопустимо использовать в спорте ни с морально-этической, ни с правовой точек зрения, и в этом плане сомнений быть не должно. Однако, как справедливо утверждали многие специалисты, этот тезис не вызывает сомнений лишь в том случае, если доказана обоснованность с морально-этических, правовых, медицинских и спортивно-технологических позиций самого факта запрета огромного количества общедоступных препаратов и методов, широко распространенных и во многих случаях остро необходимых для спортсмена в интересах сохранения его здоровья и рационализации подготовки. К сожалению, здесь не только возникали сомнения, но и были серьезные научные основания утверждать, что во многих случаях практика антидопинговой деятельности попирала законные права спортсменов, противоречила принципам спортивной подготовки, лишала спортсмена полноценной медицинской помощи [10, 43].

Не выдерживало критики и основание на запрет средств и методов в связи с тем, что они дают спортсменам одностороннее преимущество над соперниками. Эти средства являются отражением достижений научно-технического прогресса, и во всех случаях, где однозначно их позитивное воздействие на спортивные результаты и отсутствуют медицинские противопоказания, их применение представляется оправданным.

Сегодня спорт высших достижений является ареной для внедрения самых передовых достижений науки. Организационно-управлен-

ческие основы, финансирование, спортивная форма, инвентарь, тренажеры, диагностико-управляющие системы, диетические технологии, восстановительные средства, фармакологические средства и многое другое – все это при правильном применении способно принести одностороннее преимущество одним спортсменам над другими. Каждое крупное спортивное мероприятие дает множество примеров того, что спортсмены, применившие новинки, предоставленные наукой, получают преимущества над конкурентами. Это – естественный процесс, характерный для любой сферы деятельности, а потому аргумент, согласно которому спортсмен, обоснованно принимающий фармакологические препараты, получает одностороннее преимущество, является надуманным. Такое же преимущество получают и спортсмены, применяющие новые эффективные конструкции лыж, велосипедов, бобов, саней, лодок, плавательных костюмов, коньков, использующие эффективные диеты и питьевой режим, психорегулирующие программы и т. д., и т. п. Более того, известно, что множество выдающихся достижений последних лет обеспечивалось применением веществ, которые сначала были разрешены, а уже затем запрещены.

Не менее уязвимым оказался и постоянно декларируемый представителями антидопинговых служб тезис, согласно которому борьба с допингом обусловлена исключительно заботой о сохранении здоровья спортсменов. Список запрещенных веществ и методов давно вышел за пределы, которые было необходимо соблюдать в интересах здоровья спортсменов, лишил их возможности использовать многие передовые достижения медицины в профилактических и лечебных целях, не говоря уже о стимуляции эффективности процесса подготовки. В этом отношении спортсмены оказались представителями единственной из экстремальных профессий, лишенными права на защиту своего здоровья эффективными фармакологическими средствами, причем не только от профессиональных заболеваний, но и от обычных широко распространенных болезней [3, 11, 13, 40, 41].

Серьезнейшую опасность для здоровья спортсменов представляла и сложившаяся в сфере спорта высших достижений практика приобретения эргогенных фармакологических средств на «черном рынке», у случайных людей. Это вполне объяснимо, учитывая отсутствие надлежащей просветительской работы и жесткий контроль со стороны антидопинговых

служб за действиями спортсменов, тренеров и врачей, связанными с приобретением, транспортировкой, хранением и применением допинговых препаратов, а также санкции за такие нарушения. Некачественные лекарственные средства, наводнившие «черный рынок», стали дополнительным серьезным фактором риска для здоровья спортсменов.

Постоянной критике подвергалась и система организации и проведения тестирования, а также объективность представляемых заключений. Особую озабоченность вызывали случаи применения недостаточно достоверных методов исследований, отсутствие системы в организации контроля – регулярное тестирование одних спортсменов и либеральное отношение к другим. Односторонней представлялась и система санкций, когда вся ответственность и тяжелые наказания обрушивались только на спортсмена, хотя были известны случаи, когда спортсмены, уличенные в применении допинга, даже не знали, что им были введены запрещенные вещества, или не могли предположить, что эти вещества находились в напитках или продуктах.

Стало очевидным, что множество побед и рекордов на Играх Олимпиад, зимних Олимпийских играх и чемпионатах мира в таких видах спорта, как легкая атлетика и тяжелая атлетика, плавание, велосипедный спорт, гребля, конькобежный спорт, лыжные гонки, биатлон и некоторые другие, было одержано или установлено благодаря использованию запрещенных веществ и методов или же веществ и методов, разрешенных на момент соревнований, а уже затем запрещенных. Накопилось огромное количество объективных и субъективных оснований для подобного утверждения – материалы антидопинговых лабораторий, утверждения экспертов, признания спортсменов, врачей и тренеров, результаты судебных разбирательств и др.

Описанные явления происходили на фоне активнейшей деятельности антидопинговых служб, что красноречиво доказывало неэффективность антидопинговой политики, действовавшей в те годы. Все чаще признавалось, что олимпийский спорт во многом превратился в некую арену конкуренции фармацевтических фирм, международных и национальных систем допинг-контроля, специалистов медико-биологического профиля, тренеров и спортсменов, ориентированных на широкое применение стимуляторов, с одной стороны, и антидопинговых лабораторий, деятельность которых направлена на обнаруже-

ние применения этих препаратов и наложение соответствующих санкций, с другой. В таких условиях специалисты любой страны, серьезно относящиеся к системе олимпийской подготовки, столкнулись с необходимостью выбора собственного отношения к этой проблеме и формирования соответствующей методики ее решения. Ситуация обострилась и тем, что несовершенство системы борьбы с допингом привело к тому, что она стала использоваться в качестве инструмента для дискредитации спорта отдельных стран и устранения конкурентов на международной спортивной арене.

Руководитель Медицинской комиссии МОК Александр де Мерод, многие годы отвечавший за борьбу с допингом, прекрасно осознавал все эти сложности, пытался сдерживать распространение допинга и одновременно не навредить спорту и спортсменам. Он шел на компромиссы, в ряде случаев закрывал глаза на положительные результаты проб, не был склонен к репрессиям, искал и не находил решения проблемы, прекрасно понимая, что конфликты и скандалы, связанные с допингом, будут постоянно возникать, и силовые решения окажутся безрезультатными. Поэтому со спокойным скептицизмом отнесся к стремлению более молодых и радикально настроенных борцов с допингом создать независимое от МОК и МСФ Всемирное антидопинговое агентство.

Ситуация, сложившаяся с проблемой допинга в олимпийском спорте, дала основание одному из влиятельных членов Исполкома МОК и претенденту на пост президента этой организации на очередных выборах Ричарду Паунду внести в 1998 г. предложение о создании независимого антидопингового агентства, неподвластного ни МОК, ни другим организациям, входящим в международную олимпийскую систему.

В ту пору МОК переживал не лучшие времена в связи с коррупционным скандалом вокруг предоставления городу Солт-Лейк-Сити права на проведение XIX зимних Олимпийских игр 2002 г., и Хуан Антонио Самаранч, озабоченный более важными, на его взгляд, проблемами, возникшими в олимпийском движении, дал согласие на работу по созданию такого агентства.

Вопрос об этом был поднят на Всемирной конференции по допингу в спорте, состоявшейся в феврале 1999 г. в Лозанне. Рабочую группу по подготовке Конференции возглавлял Ричард Паунд. Под его руководством был определен состав участников Конференции, в

котором, наряду с представителями всех ветвей международного олимпийского движения, оказались представители правительств разных стран и антидопинговых служб. После сложных дискуссий была одобрена идея создания Всемирного антидопингового агентства (WADA). В ноябре 1999 г. WADA было создано как частная независимая организация на основе равноправного представительства олимпийского движения и общественных организаций. Ричард Паунд стал первым президентом WADA. В его состав вошли представители МОК, НОК, МСФ, олимпийские атлеты.

К сожалению, WADA создавалось скорее оперативно, без серьезного анализа проблемы и подготовленных документов, на той же методологии и теми же людьми, которые не только не приблизились к решению проблемы допинга в 1980–1990-е годы, но и усугубили ее.

В качестве направлений деятельности WADA, определенных его уставом, были выделены следующие:

1. Развитие и координация на международном уровне борьбы против допинга в спорте во всех формах, включая его применение во время соревнований и между соревнованиями, в рамках сотрудничества с межправительственными организациями, правительствами, общественными организациями и другими общественными и частными органами, борющимися против допинга в спорте.

2. Укрепление на международном уровне этических принципов спорта без допинга и помощь в защите здоровья спортсменов.

3. Формирование и модификация для всех заинтересованных общественных и частных организаций, включая МОК, МСФ и НОК, списка препаратов и методов, запрещенных к применению в спорте.

4. Поощрение, поддержка, координация сотрудничества с заинтересованными общественными и частными организациями, в особенности с МОК, МСФ и НОК, в деле организации тестирования, проводимого в межсоревновательный период без уведомления.

5. Развитие, гармонизация и унификация научных и технических стандартов по забору проб, процедурам и оборудованию, включая размещение лабораторий.

6. Содействие упрочению согласованных правил, дисциплинарных процедур, санкций и других средств борьбы с допингом в спорте.

7. Создание и развитие программ антидопингового образования и профилактиче-

ских программ на международном уровне в целях упрочения практики спорта без допинга в соответствии с этическими принципами.

8. Поощрение и координация исследований в борьбе против допинга в спорте.

С первых дней существования WADA развернуло особенно активную работу в таких направлениях:

- разработка соглашений с международными спортивными федерациями (по олимпийским видам спорта) по вопросам проведения проб во время соревнований и неожиданных проб в процессе подготовки;
- расширение практической деятельности по тестированию спортсменов и ужесточению санкций, увеличению списка запрещенных веществ и методов, опираясь на возможности аккредитованных МОК антидопинговых лабораторий;
- формирование собственной независимой политики антидопинговой деятельности и обеспечение ее поддержки со стороны МОК, НОК, МСФ, правительств стран, международных организаций (ООН, Совета Европы, ЮНЕСКО и др.).

После оглашения WADA основных направлений деятельности стало ясно, что, как минимум, несколько моментов приведут к серьезным проблемам в борьбе с допингом. *Во-первых*, среди множества направлений деятельности WADA не нашло возможности выделить важнейшее – ширококомасштабное сотрудничество со специалистами, непосредственно работающими в сфере подготовки спортсменов (тренерами, врачами, научными работниками, диетологами и др.), по созданию и развитию для разных видов спорта типовых программ фармакологического обеспечения процесса подготовки и соревнований, направленных на профилактику профессиональных заболеваний, реабилитацию после травм и в случаях перетренированности, повышение эффективности использования функциональных ресурсов организма спортсменов в тренировочной и соревновательной деятельности, ускорение восстановительных реакций и т. д. Отсутствие такого направления не могло не привести к скрытой, постоянно развивающейся конфронтации между антидопинговыми лабораториями и WADA, с одной стороны, и тренерами, врачами, представителями науки и другими специалистами, работающими непосредственно со спортсменами, с другой. *Во-вторых*, настораживало содержание последнего раздела, который, как показала прак-

тика, стал основным в деятельности WADA и одновременно – источником большинства его проблем, так как в основу своей работы это Агентство положило создание «собственной независимой политики антидопинговой деятельности» вместо формирования общей с МОК, МСФ и крупнейшими научными центрами политики с последующей ее реализацией WADA. *В-третьих*, WADA изначально не было готово сформировать принципиально новую, опирающуюся на достижения спортивной науки, медицины, фармакологии, диетологии, профилактическую, а не карательную методологию борьбы с допингом, а пошло по пути уже обанкротившихся подходов, реализовавшихся МОК в прежние годы [13]. Эти принципиальные методологические ошибки не могли не привести и, в конечном счете, привели не только к тяжелому кризису системы борьбы с допингом в олимпийском спорте, но и превратили проблему допинга и борьбы с ним в серьезный фактор риска для всего олимпийского спорта.

За короткий период деятельности (1999–2003 гг.) WADA удалось добиться многого:

- привлечь серьезное внимание мировой общественности и СМИ к проблеме применения допинга в спорте и начать сотрудничать в этой сфере со структурами ООН, Совета Европы, ЮНЕСКО и др.;
- существенно повысить роль самого Агентства и при поддержке руководства МОК превратить его в структуру, стоящую в плане антидопинговой деятельности не только над НОК, большинством МСФ, но и, в определенной степени, над МОК и над отдельными положениями национальных законодательств разных стран;
- активно продвинуть собственную независимую политику антидопинговой деятельности и, в основном, обеспечить ее формальную поддержку со стороны МОК, НОК, МСФ, правительств отдельных стран и ряда международных организаций;
- резко интенсифицировать практическую деятельность, которая свелась главным образом к расширению Списка запрещенных веществ и методов, увеличению объемов тестирования, прежде всего, во время тренировочного процесса, и к ужесточению санкций за применение допинга;
- разработать, обсудить и принять в 2003 г. на Всемирной конференции по допингу в спорте Антидопинговый кодекс, который предопределил деятельность всей антидопинговой системы.

ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЯ ВСЕМИРНОГО АНТИДОПИНГОВОГО КОДЕКСА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Важнейшим направлением деятельности WADA, начиная с момента его учреждения в 1999 г., была подготовка к принятию Всемирного антидопингового кодекса, который должен был заменить устаревший и страдавший серьезными недостатками Антидопинговый кодекс олимпийского движения.

Прежде чем анализировать основные положения Всемирного антидопингового кодекса, необходимо отметить в высшей степени активную и бескомпромиссную позицию, которая была занята WADA в продвижении разработанного им проекта Кодекса через международную олимпийскую систему, правительства стран, авторитетные международные организации.

Умелое политическое маневрирование позволило WADA проигнорировать большинство серьезных критических замечаний и принять Кодекс на Всемирной конференции по допингу в спорте (март 2003 г., Копенгаген). Этой Конференции предшествовали серия международных мероприятий, проведенных под эгидой МОК и ЮНЕСКО, с участием руководителей НОК и МСФ, министров спорта разных стран, а также несколько совещаний межправительственной консультативной группы по вопросам антидопинга в спорте.

На Конференции была принята третья версия Кодекса, подготовленная с учетом некоторых критических замечаний, полученных от организаций и специалистов при рассмотрении первой и второй версий, что позволило улучшить документ, сделать его более гибким и понятным. Однако общий подход и принципиальные методологические основы Кодекса практически не были затронуты и остались в том варианте, который изначально был предложен WADA и подводил юридическую основу под практику его деятельности в течение предшествовавших нескольких лет.

Нельзя не отметить принципиального момента, сопутствовавшего обсуждению антидопинговой политики и проекта Кодекса на всех мероприятиях, организованных МОК и WADA. К обсуждению проблемы были привлечены, в основном, представители антидопинговой службы, возглавляемой WADA, руководители государственных и общественных организаций (министры спорта, президенты и генеральные секретари НОК и МСФ). Что касается специалистов, которые реально заняты практикой подготовки спортсменов (тренеры, спортивные

врачи, ученые, работающие в сфере спортивной подготовки, специального питания, применения восстановительных и стимулирующих средств и др.), то они практически были отстранены от обсуждения проблемы.

Это существенно повлияло на характер и содержание Кодекса, предложений и замечаний и внесенных на их основе уточнений. Они главным образом коснулись организационной и правовой основ антидопинговой деятельности. Что же касается анализа содержания Кодекса и его доработки с позиций реалий современного спорта и достижений спортивной медицины, спортивной физиологии, психологии, биохимии, фармакологии, теории и методики подготовки спортсменов, то эта сторона дела практически выпала из рассмотрения.

То, что Антидопинговый кодекс будет принят на Всемирной конференции по допингу в спорте в Копенгагене в марте 2003 г., было ясно уже в декабре 2002 г. в Москве и январе 2003 г. в Париже – во время проведения организованных WADA мероприятий по обсуждению проблемы допинга в спорте. Кодекс активно навязывался, несмотря на острую критику и очевидную неприемлемость содержания ряда разделов. Например, во время острой критики проекта Кодекса в Москве руководители дискуссии быстро ее свернули, пообещав учесть критические замечания и переработать документ. Однако уже через месяц в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже был представлен практически тот же вариант Кодекса, однако с комментариями, что он был доработан по итогам обсуждения в Москве. Такую же операцию руководители WADA провели и по итогам дискуссии в Париже, где Кодекс критиковался не менее остро. В итоге участникам Конференции, на которой решилось принятие Всемирного антидопингового кодекса, был представлен противоречивый и некачественный документ.

Как признал сам Ричард Паунд, Кодекс готовился в сжатые сроки и продвигался с большим трудом, пробиваясь через огромное количество жалоб и критических замечаний. Даже на Конференции, завершившейся принятием Кодекса, не только руководители ряда МСФ, особенно футбола и велосипедного спорта, обращали внимание на явное несовершенство документа, но и представители правительств не воспринимали откровенное «проталкивание» несовершенного Кодекса. На это указывал и сам Паунд, когда отмечал заслуги в принятии Кодекса генерального директора МОК, секретаря Конференции Ф. Каррара, «проявившего удивительные способности в

манипулировании, умасливании, уговорах и упреках» как средствах преодоления сложных ситуаций при продвижении Кодекса [47].

Все проблемы, которые возникли со Всемирным антидопинговым кодексом во время его обсуждения, принятия и последующего внедрения в практику спорта высших достижений, обусловлены принципиально ошибочной методологией, подробно изложенной в версии, принятой в 2003 г. и проявившейся как в странном и антинаучном определении понятия «допинг», так и в противоречивых и неконкретных антидопинговых правилах и основаниях для включения в Запрещенный список разных субстанций и методов. Проиллюстрировать это можно тем, что согласно Кодексу [62], «Антидопинговые правила не подчинены и не ограничиваются требованиями и правовыми нормами, которые применяются при рассмотрении криминальных или служебных дел. Принципы и нормы, содержащиеся в Кодексе, представляют собой консенсус широкого спектра сторон, заинтересованных в честном спорте, и должны уважаться всеми судами и судебными органами». Этот весьма странный с юридической точки зрения подход усугубился своеобразным определением «широкого спектра сторон», представленным исключительно чиновниками структур международной олимпийской системы (МОК, НОК, МСФ), государственных органов управления спортом, ряда международных организаций. При этом настойчиво обозначалась зависимость финансовой поддержки НОК и МСФ со стороны МОК от отношения к представленному Кодексу. Науча была представлена исключительно специалистами антидопинговых служб – юристами, экономистами, аналитиками в области химии и физики. Что касается специалистов по методике подготовки спортсменов, а также по спортивной физиологии, спортивной медицине, генетике, фармакологии и диетологии, то им, как и соответствующим научным центрам, места среди «широкого спектра сторон» практически не нашлось. И это было не случайным, а явилось следствием политики, реализуемой при подготовке Кодекса, о чем цинично, но откровенно высказался Р. Паунд, обосновывая необходимость создания и принципы деятельности WADA: «фундаментальная ошибка, сделанная МОК в области допинга, состояла в том, что лидерство оставалось в руках ученых, а не управленцев-универсалов».

К чему привели деятельность «управленцев-универсалов» и изоляция от проблемы допинга в спорте представителей науки и специ-

алистов-практиков, прежде всего тренеров и спортивных врачей, нетрудно убедиться, если объективно проанализировать состояние в этой области до создания WADA и в настоящее время. Допинга не стало меньше, а применяемые субстанции и методы стали значительно более разнообразными, изощренными, трудноуловимыми и опасными для здоровья; количество злоупотреблений и скандалов расширилось; в отношении спортсменов высшей квалификации создана недопустимая атмосфера подозрений, обвинений, доносов, психологической напряженности, оказывающая отрицательное влияние на качество их подготовки и участия в соревнованиях.

Вокруг олимпийского спорта, в отличие от многих видов профессионального, создана и постоянно нагнетается атмосфера, подрывающая его авторитет, ставящая под сомнение достижения атлетов, сопровождаемая недоверием и скандалами, снижающая интерес спонсоров и партнеров и грозящая снижением популярности Олимпийских игр и подрывом финансовой независимости международной олимпийской системы.

Постоянная доработка и обновление Кодекса, принятие его очередных версий проблемы не решают, так как касаются многочисленных технических деталей, а не ошибочной методологии, принятой много лет назад еще при подготовке версии 2003-го года.

Для того чтобы попытаться объяснить причины сложившейся ситуации и наметить пути выхода из очевидного тупика, целесообразно обратиться к основам содержания Кодекса и к его реализации в практике подготовки и соревновательной деятельности спортсменов.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ВСЕМИРНОГО АНТИДОПИНГОВОГО КОДЕКСА

Во всех версиях Кодекса, начиная от принятой в 2003 г. и до последней (2015 г.), в качестве фундаментального обоснования необходимости этого документа и осуществления соответствующей ему практической деятельности выбрано стремление «...сохранить то, что действительно важно и ценно для спорта, что часто называют «духом спорта»... Дух спорта – это прославление человеческого духа, тела и разума и отображение следующих ценностей, которые мы находим в спорте и благодаря ему: этика, справедливость и честность, здоровье, высочайший уровень выступления, характер и образование, удовольствие и радость, кол-

лективизм, преданность и верность обязательствам, уважение к правилам и законам, уважение к себе и другим участникам соревнований, мужество, общность и солидарность» [61–64]. Однако одних красочных эпитетов явно недостаточно для фундаментального обоснования антидопинговой политики. Допинг – явление, которое представляет собой серьезную проблему для олимпийского спорта, от подхода к решению которой зависит его авторитет, популярность и стабильность, развитие большинства олимпийских видов спорта, судьбы многих спортсменов, посвятивших свою жизнь спорту высших достижений. Поэтому и в основе методологии, на которой должен базироваться Кодекс, должны находиться объективные научные закономерности и принципы, четкие критерии, а не весьма абстрактное понятие «дух спорта», тем более, что трактуется оно далеко не однозначно, имеет множество значений, в том числе и диаметрально противоположных.

Далеко не всегда «дух спорта» отождествляется с таким определением, как прославление человеческого духа, тела и разума и такими категориями, как честность, солидарность, уважение, коллективизм, мужество и т.п. Для иллюстрации достаточно привести выдержки из эссе «Дух спорта», написанного известным британским писателем и публицистом Джорджем Оруэллом еще в декабре 1945 г.: «Я всякий раз удивляюсь, когда слышу, что спорт якобы способствует укреплению доброй воли и взаимопонимания между народами... Главное в большом спорте – это победы. Фактически ты обязан из него уйти, если не можешь сделать ради выигрыша все возможное. Если ты вышел погонять мяч на лужайке, где команды формируются произвольно, ты можешь спокойно размяться и играть в свое удовольствие, не захламляя мозги себе и другим патриотическими сантиментами. Но как только речь заходит о престиже, как только выясняется, что занимаешься спортом ради чьей-то чести и в случае проигрыша на нее ляжет пятно позора, в тебе сразу просыпаются глубинные первобытные инстинкты. В большом спорте нет места справедливой игре. Зато в нем в избытке присутствуют ненависть, зависть, хвастовство, неуважение к каким бы то ни было правилам. Нет сомнений, что это связано с подъемом национализма, с этой идиотской современной привычкой идентифицировать себя с более крупными единицами, наделенными силой и властью, и сравнивать весь мир с собственным болотцем, которое, разумеется, лучше всех

прочих. Если вы хотите усугубить существующую в мире напряженность, устройте серию футбольных матчей между евреями и арабами, немцами и чехами, индийцами и британцами, итальянцами и югославами – и не забудьте позвать болельщиков обеих сторон на стотысячные трибуны». Эта точка зрения не является архаичной, а имеет сторонников и в современном мире. Однако мы цитируем слова Джорджа Оруэлла не потому, что согласны с его видением, на наш взгляд, односторонним и предубежденным, а для того, чтобы показать, что философское понятие «дух» обозначает нематериальное начало, связанное с такими категориями, как чувство, интуиция, сознание, воображение и т. п., является предметом вечных философских дискуссий и не имеет объективных критериев оценки.

Однако достаточно характерное для современного спорта и вполне объяснимое стремление к идеализации понятия «дух спорта» не являлось бы проблемой, если бы основополагающие статьи Всемирного антидопингового кодекса были связаны не столько с «духом спорта», сколько с достижениями науки и реалиями жизни. К сожалению, как показывает анализ этого документа, дело обстоит далеко не так, что наглядно проявилось, например, в так называемом Стратегическом плане деятельности WADA на 2004–2009 гг., вышедшем под красноречивым лозунгом «Всемирное антидопинговое агентство играет честно». В соответствии с этим планом все пять целей, которые поставило перед собой Агентство, связаны исключительно с внедрением несовершенного Всемирного антидопингового кодекса и отображают отсутствие даже попыток сотрудничества с МСФ, научными и образовательными учреждениями в деле устранения принципиальных недостатков и противоречий антидопинговой системы, устранения прямолинейного силового внедрения антидопинговых правил.

В качестве основных критериев эффективности своей деятельности WADA приводит пустые фразы, не подкрепленные конкретным содержанием и противоречащие реальной деятельности антидопинговых служб: «Мы беспристрастны, объективны и сбалансированы»; «Мы избегаем непристойного влияния или конфликта интересов, которые могли бы угрожать нашей независимости и беспристрастности суждений»; «Мы должны осуществлять нашу деятельность в соответствии с высшими стандартами этического поведения»; «Мы должны развивать политику, процедуры и

практику, которые отражали бы справедливость, беспристрастность и честность» и т. п. Таким образом, четкая и научно обоснованная методология борьбы с допингом WADA была подменена лишенными конкретного содержания призывами и лозунгами, опирающимися исключительно на понятие «дух».

Результаты такого подхода и соответствующей ему практической деятельности ярко проявились во множестве скандалов, связанных с деятельностью WADA и аккредитованных им лабораторий с момента учреждения этого Агентства и, в конечном счете, выразились в тяжелейшем кризисе, развернувшемся вокруг проблемы допинга перед Играми XXXI Олимпиады 2016 г. в Рио-де-Жанейро.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДОПИНГ» И АНТИДОПИНГОВЫЕ ПРАВИЛА

Является азбучной истиной то, что борьба с любым негативным явлением требует не абстрактных представлений о нем, а четкого определения и установления объективных характерных признаков. Именно научно обоснованное раскрытие понятия о конкретном явлении и его признаках является необходимой основой для дальнейшего развития и обогащения понятия и применения его в практической деятельности. Еще Гегель отмечал, что понятие это «прежде всего синоним понимания сущности дела... В понятии раскрывается подлинная природа вещи, а не ее сходство с другими вещами».

Поэтому, чтобы оценить состояние борьбы с допингом в олимпийском спорте и ее эффективность, необходимо вначале проанализировать сущность понятия «допинг», а также того определения, которое ему дано WADA, т. е. той организацией, которая в настоящее время эту борьбу возглавляет.

Происхождение слова «допинг» окончательно не выяснено. Большинство языковедов производят его от слова «дор», которое на диалекте банту (одной из африканских народностей) означает наркотический напиток, используемый при религиозных обрядах. В английском языке это слово в несколько измененном виде («доре») первоначально означало наркотическую смесь, применявшуюся для стимуляции беговых лошадей. В первом издании Большой советской энциклопедии (1931) можно найти следующее определение: «Допинг (с двумя буквами «п» в оригинале. – Прим. авт.) – общее название возбуждающих средств, вводимых скаковым лошадям перед

соревнованиями с целью искусственного повышения их резвости».

Постепенно слово «допинг» вошло в спортивную терминологию, а заодно и в терминологию некоторых смежных областей знаний – медицины, ветеринарной медицины, юриспруденции и др. Подвергнуто унификации и определение понятия «допинг» [62, 64].

Рассматривая понятие как логически обоснованную и оформленную общую мысль о предмете, выражающую его существенные признаки, следует отметить, что с понятием «допинг» нет ни проблем, ни противоречий. Обобщение определений, представленных в многочисленных отечественных и зарубежных энциклопедических и специальных изданиях, требует считать допингом фармакологические и другие средства, временно усиливающие физическую и психическую деятельность организма, применяемые главным образом для улучшения спортивных результатов. В подавляющем большинстве определений акцент делается на экстренном и кратковременном действии фармакологических и других средств, стимулирующих физическую и нервную активность.

Применительно к спорту это понятие было удачно конкретизировано и принято на Конгрессе по спортивной медицине в Страсбурге в уже далеком 1965 г.: «До́пинг – это введение в организм человека любым путем *вещества, чуждого организму, или какой-либо физиологической субстанции в ненормальном количестве, или же введение какого-либо вещества неестественным путем*, производимое для того, чтобы искусственно или нечестным путем повысить результат спортсмена во время выступления в соревнованиях». Это определение является наиболее удачным как по полноте охвата явлений, относящихся к определяемому понятию, так и по четкости и лаконичности. В нем логично и четко сформулирована общая мысль о предмете, выделены его существенные характеристики и обозначены способы их установления. Поэтому вполне естественно, что это определение было поддержано МОК, в котором под допингом стали понимать «прием или использование чужеродных для организма веществ в любой форме или физиологических веществ в ненормальных количествах и вводимых ненормальными методами здоровым людям с исключительной целью обеспечить искусственное и нечестное увеличение достижений в соревнованиях» [23].

Использование этого определения понятия «допинг» минимизирует количество

запрещенных веществ до действительно чуждых организму, так как хорошо известно, что в основе разработки подавляющего большинства фармакологических препаратов лежат мобилизация, стимуляция и нормализация естественных для организма процессов, а не использование чуждых для него веществ, которые могут быть рекомендованы лишь в экстренных случаях (например, психостимуляторы, наркотики). Поэтому очень сложно доказать, что применяемые в спорте фармакологические и другие средства не вписываются в естественные процессы, происходящие в организме. Не менее сложным является обнаружение чрезмерного их использования [3].

Это прекрасно понимали и составители Всемирного антидопингового кодекса, подгоняя определение понятия «допинг», антидопинговые правила и другие положения Кодекса не под объективные научные знания, а под свои весьма скромные возможности. Не вдаваясь в тяжелую для WADA историю в этом вопросе, остановимся лишь на определении, существующем в ныне действующей версии Всемирного антидопингового кодекса: «До́пинг определяется как совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в статьях 2.1–2.10 настоящего Кодекса» [64].

Ничего, кроме недоумения, такое определение вызвать не может уже по той причине, что оно противоречит всем определениям этого понятия в энциклопедической и специальной литературе, не говоря уже о нарушении элементарных требований формальной логики. Это становится абсолютно очевидным, если ознакомиться с перечнем этих «антидопинговых правил», в числе нарушений которых не только «наличие запрещенной субстанции или ее метаболитов или маркеров в пробе, взятой у спортсмена» (2.1), но и «нарушение порядка предоставления информации о местонахождении» (2.4), «попытка использования спортсменом запрещенной субстанции или запрещенного метода» (2.2), «обладание спортсменом запрещенной субстанцией или методом», «обладание персоналом спортсмена любой запрещенной субстанцией или методом» (2.6), «запрещенное сотрудничество» (2.10), под которым понимают общение со специалистами (тренерами, врачами и др.), которые отбывают дисквалификацию за нарушение антидопинговых правил или были признаны виновными в ходе расследований в отношении допинга и т. п. [64].

Таким образом, в Кодексе как определение допинга, так и антидопинговые правила подогнаны под существующую несовершенно и противоречивую практику борьбы с допингом и призваны подвести формальную основу под политику и практическую деятельность WADA. Налицо – преднамеренная методологическая ошибка, в результате которой произошла подмена понятий, и «допинг» из средства, усиливающего физическую и психическую деятельность человека, превратился в «нарушение антидопинговых правил» – правил расплывчатых и предоставляющих возможности их произвольного толкования. К сожалению, и в этих случаях разработчики Кодекса ориентировались на понятие «дух», а не на точное и научно обоснованное определение понятия «допинг». И здесь опять же уместно сослаться на слова Гегеля, отмечавшего, что «В понятии раскрывается подлинная природа вещи, а не ее сходство с другими вещами».

КРИТЕРИИ ВКЛЮЧЕНИЯ СУБСТАНЦИЙ И МЕТОДОВ В ЗАПРЕЩЕННЫЙ СПИСОК

Нелогичность и расплывчатость определения исходных положений – фундаментального обоснования необходимости борьбы с допингом, определения понятия «допинг», антидопинговых правил – повлекли за собой противоречивость и спорность последующих разделов Кодекса, в частности, такого важного, как «Критерии включения субстанций и методов в Запрещенный список». В частности, «Субстанция или метод должны быть рассмотрены для включения их в Запрещенный список, если WADA по собственному усмотрению определит, что субстанция или метод отвечают любым двум критериям из трех:

- медицинские или другие научные данные, фармакологический эффект или опыт свидетельствуют о том, что данная субстанция или метод сами по себе или в комбинации с другими субстанциями или методами способны улучшать или улучшают спортивные результаты;
- медицинские или другие научные данные, фармакологический эффект или опыт свидетельствуют о том, что использование данной субстанции или метода представляет реальный или потенциальный риск для здоровья спортсмена;
- решение WADA о том, что использование данной субстанции или метода противоречит духу спорта» [64].

В Запрещенный список могут также включаться вещества и методы, если WADA решит, что существует медицинское или научное свидетельство того, что фармакологический эффект или воздействие этого вещества или метода потенциально может замаскировать использование других запрещенных веществ или методов [64].

Нет необходимости доказывать, что столь расплывчатые критерии позволяют WADA включать в состав запрещенных любое средство или метод. Любые естественные и безвредные препараты, воздействующие на те или иные функциональные системы и механизмы, имеют потенциал, если не прямо, то косвенно улучшать результативность. Любое, даже самое безвредное вещество растительного происхождения, большинство витаминов и микроэлементов в зависимости от условий их применения и дозировок могут представлять потенциальный риск для здоровья. Обычная вода при правильном потреблении является мощным средством, влияющим на работоспособность и спортивные результаты во всех видах спорта, связанных с продолжительной работой. Различного рода диетические манипуляции могут серьезно повлиять на спортивную результативность. Такое же воздействие может оказывать вдыхание газовых смесей с повышенным содержанием кислорода, применение разного рода световых процедур, электропроцедур, ароматических веществ и др.

Введением таких критериев полностью размыва грань между запрещенными и разрешенными субстанциями и методами, и WADA получило возможность манипулировать Запрещенным списком, что представляется особенно опасным, если учесть, что согласно Кодексу «решение WADA о включении той или иной субстанции в Запрещенный список, классификация по субстанциям, запрещенным все время или в соревновательный период является окончательным и не может быть предметом обсуждения». Положение еще больше усложняется, если учесть, что, согласно Кодексу, ни одно из веществ, которые принадлежат к запрещенному классу, не может быть использовано, даже если оно не упомянуто в списке, в связи с идентичностью его фармакологического воздействия с запрещенными веществами. Никакие претензии по поводу того, что спортсмены принимали вещества, не включенные в список, антидопинговыми службами не принимаются. Такие требования Кодекса становятся особо опасными, если учесть, что

принятая классификация веществ является некорректной, а зачастую и необъяснимой с точки зрения современной медицинской науки, а нелогичный принцип ее построения остается неизменным [3].

Поэтому специалисты вполне обоснованно обращают внимание на то, что различия между запрещенными и разрешенными к использованию веществами определяются исключительно административным решением WADA, опирающимся на антинаучное определение понятия допинг, субъективные критерии и туманные представления о «духе спорта», а не на научные и медицинские основания [13, 49]. Еще большую путаницу привносит WADA, постоянно манипулируя содержанием Запрещенного списка, допуская использование одних веществ и запрещая использование других, переводя разрешенные средства в список запрещенных или, наоборот, из запрещенных – в разрешенные [40], а также вводя абсолютно необоснованные нормы содержания запрещенных веществ в пробах спортсменов.

При ознакомлении с публикациями и выступлениями специалистов, работающих в антидопинговой сфере, бросается в глаза шокирующая информация о катастрофическом влиянии запрещенных веществ на здоровье и о смертных случаях, вызванных их применением. Однако при беспристрастном подходе эта информация в значительной мере носит эмоциональный, бездоказательный характер. В большинстве случаев мы не находим корректного объяснения тому, что именно применение запрещенных веществ, а не какие-либо другие факторы (огромные физические нагрузки, перегревание организма и др.) привели к негативным последствиям или отдельным трагическим случаям. Сам факт их использования принимается как достаточный для подобных выводов.

Если проанализировать высказывания другой группы специалистов, в частности разработчиков тех же веществ, нетрудно убедиться в противоположной позиции – большая часть запрещенных в спорте препаратов в обоснованных дозировках и при рациональных схемах приема оказывает положительное воздействие на ход адаптационных, восстановительных и реабилитационных реакций, повышает иммунитет, снижает риск травм и заболеваний и не имеет заметного негативного эффекта.

Таким образом, некорректное определение допинга и критериев включения субстанций и методов в Запрещенный список,

принятое в Кодексе, закономерно привело к формированию такого же, по сути, некорректного и нелогичного официального Списка запрещенных веществ и методов, который тревожит своими размерами и постоянно расширяется. Еще более удивляют используемые в Кодексе формулировки, согласно которым WADA по собственному усмотрению определяет, что данная субстанция или метод включается в Запрещенный список, решение о включении субстанции в Запрещенный список, классификация по субстанциям и т.п. «является окончательным и не может быть предметом обсуждения», «WADA принимает решение о том, что использование данной субстанции или метода противоречит духу спорта», «Никакие претензии по поводу того, что спортсмены принимали вещества, не включенные в список антидопинговыми службами, не принимаются» и т.п.

Подробная вседозволенность, амбициозность и безнаказанность, стремление избежать любого внешнего контроля, характерные для WADA с момента его создания, абсолютно недопустимы в столь сложном и неоднозначном деле. Это становится особенно очевидным, если подвергнуть анализу состав и квалификацию специалистов этой организации, в числе которых мы не найдем ведущих экспертов в области спортивной подготовки, спортивной фармакологии и спортивной медицины.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВСЕМИРНОГО АНТИДОПИНГОВОГО КОДЕКСА

Откровенное несовершенство Всемирного антидопингового Кодекса, принятого в 2003 г., его противоречивость, слабая научная и юридическая обоснованность, наряду с соответствующей практической деятельностью антидопинговых лабораторий, привели к крайне негативной оценке деятельности антидопинговой системы со стороны спортсменов и специалистов разного профиля. Это вынудило WADA сразу после принятия документа начать работу по устранению находящихся в нем противоречий и недостатков. С этого момента начался не прекращающийся до настоящего времени процесс доработки Кодекса.

Естественно было ожидать, что в очередной версии Кодекса будут учтены критические замечания, отражающие очевидное несовершенство документа и крайне слабое научное обоснование. Но этого не произошло, хотя в новой версии нашли отражение многочисленные изменения и уточнения. Однако они

обеспечивали исключительно интересы антидопинговой системы. Подвергавшиеся постоянной критике положения Кодекса практически не были затронуты. По-прежнему осталось туманным фундаментальное обоснование необходимости Кодекса, нелогичным – определение понятия «допинг», надуманными – антидопинговые правила. Не были изменены и откровенно ошибочные критерии включения веществ и методов в Запрещенный список и т. д.

В то же время новая версия Кодекса отличалась от прежней большей строгостью и юридической выверенностью. Однако в этих изменениях невозможно обнаружить отражения заботы о здоровье и интересах спортсменов, качестве их подготовки. Все дополнения и уточнения были призваны расширить права WADA и создать ему оптимальные условия для работы.

Чрезмерная жесткость антидопинговой политики, характерная для предыдущего Кодекса, была сохранена и в его очередном варианте. Мало того, внесены значительные изменения в сторону ужесточения контроля и мер наказания. Особое возмущение вызвали положения, связанные с контролем за местопребыванием спортсмена, а также способами получения информации и получения доказательств нарушения антидопинговых правил. В соответствии с обновленным Кодексом спортсмен обязан предоставлять в WADA график своего местонахождения на три месяца вперед, обозначив один час в день, когда он будет доступен для сдачи допинг-пробы.

Новая версия Кодекса позволяла антидопинговым службам в случаях положительной реакции на пробы произвольно и в очень широком диапазоне изменять наказания на основе туманных и нечетких критериев, например, таких, как «отсутствие намерения улучшить спортивные результаты», «незначительная вина», «неумышленный характер», «смягчающие или отягощающие обстоятельства», «содействие антидопинговой организации», «молодость и недостаток опыта» и т. п.

Понятно, что эти изменения являлись вынужденной реакцией WADA на постоянные обвинения в несоввершенстве и необъективности, которые сопровождали Агентство в течение всех лет его деятельности. Но еще более очевидной являлась ущербность нововведений, что не могло не привести – и привело – к субъективизму, двойным стандартам и, конечно же, создало благоприятную почву для развития коррупции и вмешательства внешних сил.

Такой подход к совершенствованию системы борьбы с допингом вызвал новый виток дискуссий, споров и критики, требований дальнейшей работы над улучшением Кодекса. Естественным следствием продолжавшейся уже много лет работы над документом стало появление его очередной версии, введенной в действие с 1 января 2015 г. Но опять же, при подготовке документа реализовывалась та же политика, что и при подготовке предыдущих версий – формализм, догматизм и консерватизм мышления. Остались не востребованными достижения в различных направлениях спортивной науки, мнения многочисленных оппонентов, анализ современного процесса подготовки спортсменов с огромными тренировочными и соревновательными нагрузками, проигнорирован ряд основополагающих прав спортсмена, что абсолютно недопустимо в любых сферах человеческой деятельности и др.

Очередная версия Всемирного антидопингового кодекса, по замыслу его создателей, должна служить основой для гармонизации антидопинговой политики. Действительно, этот документ способен в некоторой мере сбалансировать, сделать более четкими связи между разными областями собственно антидопинговой деятельности, т. е. сделать ее более гармоничной. Что касается взаимосвязей с факторами внешней – по отношению к антидопинговой деятельности – среды (права спортсменов, система их подготовки, соревновательная деятельность и образ жизни, эмоционально-психологическая атмосфера подготовки и соревнований, медицинское обеспечение, научное обеспечение, питание и восстановительные процедуры и др.), то здесь и без того далекие от гармонии отношения вообще могут превратиться в хаотичные. Для спортсмена требования Кодекса являются не только постоянным стрессором, способным самым отрицательным образом сказаться на здоровье, качестве подготовки и участия в соревнованиях, но и лишают его возможности пользоваться современными достижениями медицины для профилактики и лечения заболеваний, риск которых очень велик в связи с нагрузками современного спорта, предъявляющими предельные требования к организму, снижающими иммунитет и повышающими вероятность разного рода заболеваний, не говоря уже о многократно увеличенном, по отношению к людям, ведущим обычный образ жизни, травматизмом. Подтверждение этому будет подробно представлено далее.

Всемирный антидопинговый кодекс превратился в исключительно объемный, сложный и тяжелый для восприятия документ. В Кодексе содержится 25 статей, в каждой из которых от 2–3 до 10–13 разделов (в общей сложности около 120), множество примечаний, дополнений, поправок, всякого рода разъяснений, примеров, исключений (часто неожиданных). И это относится лишь к базовому документу. Кроме того, существует и постоянно обновляется практически необъятный и весьма противоречивый Запрещенный список, корректируются всякого рода инструкции национальных антидопинговых организаций, федераций по видам спорта и др. Разобраться во всем этом объеме документации не может ни квалифицированный юрист, ни квалифицированный фармаколог, ни квалифицированный спортивный врач. Только коллектив из этих специалистов способен вникнуть в содержание Кодекса со всеми его бюрократическими деталями. Еще сложнее разбраться во всем этом тренеру, физиотерапевту, психологу и другим специалистам, привлеченным к подготовке атлетов. Поэтому специалисты обоснованно утверждают, что без специального образования широкого круга специалистов, привлеченных к подготовке и соревновательной деятельности атлетов, соблюдать требования Кодекса невозможно [40]. WADA, к сожалению, об этом и не думает.

Самое нелепое положение Кодекса сводится к тому, что вина за нарушение всего нагромождения статей, разделов, исключений, разъяснений и т. п., исчисляющихся сотнями, возлагается на спортсмена, не имеющего ни знаний, ни опыта в этой области. Приобретение таких знаний и соблюдение всех требований связаны с временными затратами, абсолютно несовместимыми с напряженным образом жизни и образованием современного спортсмена.

Юридическую корректность новой редакции Кодекса обеспечил бывший президент Европейского суда по правам человека Жан-Поль Коста, а в документ намеренно введены фразы о принципах пропорциональности и правах человека, т. е. WADA чутко отслеживает реакцию на свои действия и любое возмущение о каком-либо поправлении прав спортсмена старается тотчас нейтрализовать, хотя и чисто формально. Кроме того, в Кодексе безапелляционно прописано: «Методы анализа и допустимые значения предельных величин – научно обоснованы». И это без достаточных на то оснований, без учета специфических генетически

детерминированных особенностей каждого человеческого организма [6], в противовес научно обоснованным и общепринятым знаниям и откровенно издевательским комментариям специалистов.

О «научной обоснованности» методов включения веществ в Запрещенный список, их анализа и допустимых значений предельных величин наглядно свидетельствует один из последних случаев в деятельности WADA – эмоциональное, не подкрепленное серьезным обоснованием включение в список запрещенных веществ мельдония – синтетического аналога гамма-бутиробетаина, вещества, находящегося в клетках организма человека и способствующего профилактике перенапряжения, повышающего иммунитет, оказывающего кардиопротекторное действие. Скоропалительное обвинение за несколько месяцев до Игр XXXI Олимпиады в Рио-де-Жанейро огромного количества спортсменов вызвало бурную реакцию с их стороны, а также специалистов, прессы, широких слоев общественности. А разработчик этого препарата, известный латвийский ученый профессор Ивар Калвинш отозвался о деятельности WADA, связанной с этим препаратом, как откровенно безграмотной в научном отношении и попирающей элементарные юридические нормы. При этом он отметил, что справедливым решением были бы многочисленные судебные иски к WADA со стороны спортсменов с требованием компенсаций моральных и материальных потерь, которые попросту разорили бы эту организацию.

К сожалению, WADA навязала спортивным федерациям и другим международным и национальным спортивным организациям и мнение о безошибочности тестирования, что, как показывает практика и результаты научных исследований, не соответствует действительности [19, 20, 39, 40]. Когда же спортсмены стремятся опровергнуть результаты тестирования, они попадают под бремя множества стандартов, допускающих произвольное толкование, манипуляции, дорогостоящую правовую защиту, обрекающих их на бесперспективную объективного решения [13, 20].

Следует отметить, что практически все нововведения в Кодексе продиктованы исключительно стремлением WADA облегчить собственную деятельность путем ограничения прав спортсмена. Проявилось это и в ужесточении санкций, и в содержании биологического паспорта спортсмена, и в правилах доступности спортсмена, и в расширении Запрещенного списка.

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ WADA В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ БОРЬБЫ С ДОПИНГОМ

Перемещение активности антидопинговых структур в научно обоснованное русло во многом зависит от руководителей WADA. Ведь абсолютно понятно, что антидопинговая политика, содержание Кодекса во многом формировались под влиянием односторонних и радикальных представлений Ричарда Паунда – человека авторитетного, много сделавшего для финансового потенциала МОК, однако юриста по образованию и экономиста по предшествовавшей деятельности в МОК. И не следует удивляться, что в основе антидопинговой деятельности оказались экономические интересы, методы, характерные для следственных органов, а не научные основы системы подготовки и спортивной медицины. После истечения срока полномочий Паунда WADA возглавил крупный специалист в области экономики, бывший премьер-министр австралийского штата Новый Южный Уэльс, бывший министр финансов Австралии Джон Фэйхи. Ему на смену пришел Крейг Риди – специалист в области юриспруденции, имеющий опыт организационной работы в области спорта, однако не в области медицины и подготовки спортсменов.

Если бы WADA возглавлял специалист, разбирающийся в спортивной медицине, физиологии и фармакологии, знакомый с проблемами спортивной подготовки и с пониманием того, что современный спорт высших достижений как профессия по своим требованиям к организму и риску для здоровья неизмеримо превышает требования, характерные для любой из экстремальных профессий, то борьба с допингом несомненно пошла бы по иному пути. А к изучению конфликтных и спорных вопросов в сфере борьбы с допингом, типа тех, которые возникли перед Играми 2016 г. в Рио-де-Жанейро, привлекались бы видные специалисты спорта и медицины, а не ангажированные юристы и разного рода личности, известные своими аморальными и противоправными деяниями.

К сожалению, нынешние руководители WADA, как и их предшественники, ориентированы на продолжение работы в трех направлениях:

- непрерывный поиск новых методов обнаружения допинга и всякого рода косвенных способов и манипуляций, позволяющих обвинить спортсмена;
- ужесточение санкций и использование разных методов устрашения спорт-

смена, повышения его ответственности за нарушения антидопинговых правил;

- стремление к изоляции от антидопинговой политики и деятельности ведущих специалистов в области физиологии, спортивной фармакологии и спортивной подготовки, а также представителей спортивных и других организаций, не согласных с WADA.

ПОЛИТИКА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

Как ни удивительно, но о политике двойных стандартов в борьбе с допингом наиболее наглядно свидетельствуют воспоминания инициатора создания WADA, основного разработчика стратегии его деятельности и первого президента этой организации канадца Ричарда Паунда. Сенсационные факты содержатся в главе «Представление жульничества: допинг» книги Паунда «Внутри Олимпийских игр» [47]. Оказывается, когда на Играх XXIV Олимпиады 1988 г. в Сеуле в пробе канадского легкоатлета-спринтера Бена Джонсона, выигравшего забег на 100 м, был обнаружен допинг, Ричард Паунд, будучи вице-президентом МОК, не только взял на себя функции адвоката провинившегося спортсмена при разборе его дела в Медицинской комиссии МОК, что, на наш взгляд, является неэтичным и недопустимым, но и попросил канадских специалистов предоставить ему всякого рода заведомо лживые версии о невиновности спортсмена, например, в виде специально поданного ему напитка с запрещенным препаратом на каком-то приеме или между забегами.

Президент МОК Хуан Антонио Самаранч, мудрый и опытный политик, предостерегал Ричарда Паунда от участия в этом безнадежном деле с абсолютно очевидным результатом, однако на заседании Медицинской комиссии МОК Паунд отказался от надуманных аргументов лишь тогда, когда руководитель антидопинговой службы М. Доники убедительно доказал, что Бен Джонсон не только принимал станозолол, но и делал это систематически на протяжении длительного времени. Свое участие в этом деле Паунд объяснил тем, что Бен Джонсон имел право на лучшую защиту, доступную в сложившейся ситуации [47].

Весьма трудно в этой связи объяснить, что толкнуло Паунда на подобные откровения, но еще труднее понять ту предельно жесткую и бескомпромиссную позицию, которую занимал руководитель WADA Ричард Паунд по отношению ко всем другим спортсменам, как

и его слова, высказанные в конце этой же главы: «Пока я связан с WADA или олимпийским движением, мой подход к мошенникам будет состоять в том, что они некоторое время могут прятаться, но им не удастся скрыться» [47].

Представляет несомненный интерес точка зрения известных спортсменов на эффективность системы допинг-контроля и деятельность WADA. Вполне понятно, что многие действующие спортсмены по естественным причинам опасаются резких комментариев в адрес WADA и антидопинговых лабораторий, но некоторые все же берут на себя смелость откровенно высказаться о наболевшей проблеме. Одним из таких спортсменов является, например, победивший на Играх XXVIII Олимпиады 2004 г. в толкании ядра украинский легкоатлет Юрий Белоног (человек образованный и зрелый): «Проблема допинга – болезненная тема. Я уже не раз говорил о том, что Всемирное антидопинговое агентство «нервнодушно» к украинцам. Судите сами: однажды меня на допинг умудрились проверить трижды (!) за два дня. Это было прямым нарушением международных правил, которыми определено, что на протяжении двух суток спортсмена могут проверить не более двух раз. По-видимому, выполнялся чей-то заказ и пытались убрать конкурента. Вообще, мне кажется, существует даже не проблема допинга как такового, а его, я бы сказал, «выборочный» поиск. WADA можно назвать карающим органом легкой атлетики, чем-то похожим на КГБ в бывшем СССР. По информации, распространенной в среде спортсменов, американцы просто не допускают никого в свою страну с допинг-контролем. На соревнованиях – пожалуйста, а в тренировочный период – проверяйте других. Прежде, чем дисквалифицировать Си Хантера, его «ловили» пять раз и лишь предупреждали – будь аккуратен. Правда, это уже потом карты раскрылись. Когда он попался в шестой раз, его дисквалифицировали на два года. С нами бы так долго никто не возился. Первый же положительный тест на допинг и – к ответу... Я считаю, что борьба с допингом на данном этапе – нечестна. И если... WADA захочет кого-то дисквалифицировать – то дисквалифицирует» [1]. Это не единственный случай, когда Юрий Белоног резко отзывался о деятельности WADA. Прошло восемь лет, и в 2012 г. WADA обнаружило в пробе В спортсмена запрещенное вещество, что лишило его золотой медали. Обстоятельства этого дела, как отмечали средства массовой информации, выглядели весьма тенденциозно.

К сожалению, антидопинговая служба превратилась в организацию, в руках которой оказалась возможность манипулировать судьбами атлетов, медалями Олимпийских игр и чемпионатов мира. Примеров, подтверждающих это, множество. Достаточно вспомнить уже названный драматический финал забега на 100 м на Играх 1988 г. в Сеуле, победитель которого – спортсмен из Канады Бен Джонсон – по результатам допинг-контроля был дисквалифицирован, а золотую медаль вручили финишировавшему вторым Карлтону Льюису из США. Бену Джонсону пришлось с позором покинуть Сеул, а его имя вошло в историю олимпийского спорта как нарицательное. Совсем по-другому сложилась судьба Карлтона Льюиса: он – герой Игр четырех Олимпиад, обладатель 10 олимпийских медалей, из которых 9 – золотые. Однако существует немало утверждений о том, что Карлтон Льюис регулярно принимал анаболические стероиды. Например, накануне Игр XXIV Олимпиады на национальном чемпионате США по легкой атлетике Льюис был дисквалифицирован за применение допинга. Однако USOC добился реабилитации спортсмена, мотивируя это решение тем, что допинг в организме спортсмена оказался «в результате небрежности» [47].

Не успели принять Всемирный антидопинговый кодекс, как разразился небывалый по масштабам скандал, связанный с применением допинга сильнейшими спортсменами США. Бывший директор антидопинговой службы USOC Уэйд Экзум представил доказательства о более чем ста положительных пробах на допинг у американских спортсменов за период с 1988 по 2002 г. По мнению Экзума, USOC поощрял использование запрещенных препаратов, покрывая американских спортсменов, применявших допинг. В результате, как он полагает, 19 олимпийских медалей были завоеваны спортсменами, нарушившими антидопинговые правила. В числе подозреваемых назывались легкоатлеты Карлтон Льюис, Джо Дилоуч, Андре Филлипс, теннисистка Мэри Джо Фернандес и др. [35].

Реакция WADA на эту информацию была резкой. Ричард Паунд заявил, что представленные Экзумом документы «подтверждают давние подозрения, что США занимаются укрывательством применения допинга», и огласил содержание писем исполнительного директора USOC некоторым американским спортсменам, которых, несмотря на положительные результаты проб, взятых во время внутриамериканских соревнований, все же

допустили к участию в Играх Олимпиады, а результаты упомянутых проб, как отмечалось, будут трактоваться, как использование «по неосторожности».

Однако в этом деле была одна принципиальная деталь. Факты массового применения допинга американскими спортсменами были обнаружены одним из бывших руководителей USOC, обобщены и представлены работниками средств массовой информации, в частности, журнала «Sports Illustrated». Где же были и почему скрывали эту информацию представители антидопинговых лабораторий, которые проводили тестирование, выявили применение допинга, передали материалы USOC и НСФ? Почему руководители лабораторий, видя, что USOC и НСФ покрывают нарушителей, не информировали МОК, не сделали факты использования допинга достоянием гласности, став, таким образом, соучастниками этих нарушений? Неужели кто-то может серьезно поверить в то, что антидопинговые лаборатории, выявившие массовое применение атлетами США запрещенных субстанций, проинформировали об этом национальные федерации США, USOC, тогда как WADA, в ведении которого находятся эти лаборатории, оставалось в неведении? Эти факты в очередной раз продемонстрировали тенденциозность, ангажированность и коррумпированность международной системы борьбы с допингом.

Перед Играми XXIX Олимпиады 2008 г. в Пекине специалисты WADA широко распространили практику тестирования спортсменов в местах их проживания и тренировки (что стало возможным благодаря постоянному информированию Всемирного антидопингового агентства национальными олимпийскими комитетами и национальными спортивными федерациями о местопребывании своих спортсменов). В результате ряд спортсменов были уличены в применении допинга в процессе подготовки, дисквалифицированы и в Играх-2008 не участвовали. Однако после этих Игр оказалось, многие страны, представленные своими командами в Пекине, не давали в WADA информацию о местонахождении своих атлетов и избежали их внесоревновательного тестирования.

Скандалы, связанные с применением допинга в разных странах, стали уже привычными в олимпийском спорте, что не вызывает удивления если объективно относиться к противоречивой и неэффективной деятельности WADA. Удивление вызывает то, что в одних случаях они всячески замалчиваются, тонут в

бюрократических проволочках, а в других искусственно раздуваются, сопровождаются массовыми расследованиями и недобросовестной пропагандой. В череде этих скандалов особое место занял скандал, связанный с Григорием Родченковым – бывшим руководителем Российского антидопингового центра, после скандального увольнения сбежавшим из России и оказавшимся в США, разразившимся сенсационными, но весьма противоречивыми и бездоказательными разоблачениями. Новым в этих разоблачениях явилось то, что разработчиком допинговых смесей, организатором их применения, фальсификации проб являлся сам Родченков – видная фигура в системе международной антидопинговой деятельности. Не менее удивительными явились утверждения Родченкова о непрофессионализме, беспомощности и ангажированности специалистов антидопинговых служб при организации допинг-контроля на XXII зимних Олимпийских играх 2014 г., проявившейся в массовой замене проб, а не только в неспособности объективно идентифицировать применение запрещенных веществ. Таким образом, трудно объяснимое самобичевание Родченкова самым губительным образом сказалось на авторитете WADA. Ведь именно WADA отвечает за допинг-контроль на Олимпийских играх, определяет ведущую организацию и состав многочисленных специалистов – представителей разных стран.

ПРАВА СПОРТСМЕНОВ

Любому непредвзятому человеку понятно, что Всемирный антидопинговый кодекс в его действующей версии делает спортсмена практически беззащитным перед антидопинговыми службами, даже если его вины нет или она является сомнительной. Об этом свидетельствует и вся практика антидопинговой деятельности, так как хорошо известно, что антидопинговые службы «никогда не признавали, что их представители ошибаются при проведении допинг-проб» [7].

В настоящее время за исключением сотрудников WADA и антидопинговых лабораторий мало кто сомневается в том, что под видом защиты чистоты и целостности спорта WADA защищает ущербную систему антидопинговой деятельности за счет здоровья и прав атлетов, эффективности их профессиональной деятельности [13, 40, 59].

Спортсмены, согласно Кодексу, караются за нарушение вне зависимости от случайных причин, незначительных ошибок, объективной необходимости и т. д. Никак иначе нельзя трак-

товать многочисленные положения Кодекса, как, например: «...Нарушение происходит вне зависимости от того, умышленно или неумышленно спортсмен использовал запрещенное вещество, было это по незнанию или специально...». При этом нарушение имеет место не только, когда результаты тестов показали наличие в организме спортсмена запрещенных веществ, но и тогда, когда имели место «назначение или попытка назначения приема запрещенного вещества или метода» или такое вещество оказалось «у персонала, обслуживающего спортсмена, связанного со спортсменом соревнованием или местом тренировки». По такой логике, обнаружение, к примеру, огнестрельного оружия или наркотиков у людей, производящих уборку в антидопинговых лабораториях, дает основание для привлечения к ответственности их руководителей за незаконное хранение оружия или наркотиков [13].

Складывается опаснейшая для олимпийского спорта ситуация, при которой не допинговая служба создана для спорта и спортсменов, а спортсмены и сам спорт становятся заложниками антидопинговой деятельности.

Смехотворной выглядит политика превращения доказательства в применении допинга в соревновательный процесс между спортсменом и антидопинговой организацией. Согласно Кодексу: «Бремя доказательства отклонения от международного стандарта на основании улики возлагается на спортсмена. В случае, если спортсмену удастся это, то бремя доказательства переходит к антидопинговой организации, которая должна будет продемонстрировать комиссии по заслушиванию доказательства, что эти нарушения не повлияли на результат анализа... Отступления от международного стандарта по забору проб, другие антидопинговые нарушения, которые не искажают результаты, не лишают их законной силы» [64].

В какое же положение в этом случае ставится спортсмен, который должен взаимодействовать с профессионалами антидопинговых служб, доказывая им правомочность применения лечебных препаратов и методов, необъективность существующей организации допинг-контроля, неточность или противоречивость его результатов, не имея при этом необходимых знаний, образования, юридической защиты.

Кошунственным выглядит отождествление спортсменов (как это было во второй версии Кодекса, готовившейся к принятию в 2003 г.), при тестировании которых выявлены следы запрещенных препаратов (даже если

они были предписаны врачом в медицинских целях или содержались в пищевых добавках без указания их наличия), с преступниками – юристами, берущими взятки у клиентов, врачами-психиатрами, вступающими в сексуальные контакты с пациентами, и др. В версии Кодекса, в частности, сказано: «Спортсмен, применяющий допинг, совершает похожее нарушение правил в своей профессии». Приходится только удивляться юридическому обеспечению Всемирного антидопингового кодекса, в котором явно просматривается попытка навязать международному и национальным законодательствам противоправные нормы, отождествлять в сфере спорта легальные в любой области жизни действия с тяжелыми уголовными преступлениями [45]. Отметим, что в принятой окончательной версии Кодекса это абсурдное сравнение было опущено под воздействием критики, но мы сочли уместным привести его в том виде, в котором оно представлено во второй версии, так как именно она наглядно отражает взгляды WADA.

Недопустимой представляется практика внедренного WADA внесоревновательного тестирования, согласно которой спортсмен на три месяца вперед должен расписывать и отслеживать свое местопребывание и в любой день быть доступным для представителей антидопинговых служб. Отказ от предоставления такой информации или неточные сведения классифицируются как нарушение антидопинговых правил и влекут за собой санкции. Информация должна быть подробной и доступной для планирования тестирования вне соревнований и обычно предоставляется каждые три месяца. Информация включает: собственный адрес спортсмена; расписание занятий; расписание соревнований; регулярные личные мероприятия (работа или учеба); ежедневное 60-минутное (между 6:00 и 23:00) окно, когда спортсмен может быть доступен для тестирования.

Любому здравомыслящему человеку понятно, что расписать по дням на три месяца вперед подробную информацию такого рода и строго придерживаться жесткого режима, постоянно информировать WADA об его изменениях спортсмену практически невозможно, всегда будут возникать события, нарушающие описанный режим. Однако здесь существует и этический аспект – жесткая регламентация процедур отбора проб в любое время ограничивает личные права и свободы спортсмена, сужает возможности его свободного передвижения и, по существу, «привязывает» всю его личную жизнь к установкам антидопингового

контроля, что создает дополнительный эмоциональный стресс и может служить фактором снижения психической и физической работоспособности. Подобный подход, реализуемый только исходя из интересов антидопинговых служб, невозможен ни в одной из сфер профессиональной деятельности и грубо нарушает права граждан. Да и сама процедура забора биопроб ее институтом допинг-офицеров, как и порядок транспортировки и хранения биопроб, вызывает много вопросов.

В основу антидопинговой деятельности должна быть положена система тестирования, гарантирующая его объективность и в то же время не нарушающая процесса подготовки и соревновательной деятельности спортсмена, его образа жизни, права на бесконтрольное передвижение и др. Если WADA и антидопинговые лаборатории в силу объективных или субъективных причин не могут этого обеспечить в полном объеме, они должны выполнять только вспомогательную часть работы, отвечающую этому принципу. Что же касается желания получить более разностороннюю информацию, то необходимо совершенствовать методы, проводить соответствующие научные исследования и только после этого, опять же, не нарушая прав спортсменов, переходить к практической деятельности.

Нарушает элементарные права спортсменов и находится в противоречии с законодательством большинства стран требование Кодекса, согласно которому спортсмен обязан нести ответственность за любое получаемое медицинское лечение, которое входит в противоречие с антидопинговой политикой и с правилами, принятыми Кодексом. Другими словами, спортсмену фактически рекомендуется перейти на самолечение: ведь медицинские услуги в любой стране предполагают выбор врачами оптимальной стратегии лечения болезни наиболее эффективными средствами, в том числе и фармакологическими, а не выборами программ, которые не входили бы в противоречие с неоднозначной и путаной антидопинговой политикой WADA. Таким образом, антидопинговая деятельность вошла в явное противоречие с системой медицинского образования и установленной практикой медицинской помощи. Поэтому многие специалисты [19, 31, 40, 51, 59 и др.] утверждают, что WADA строит свою деятельность за счет здоровья и благосостояния спортсменов.

Спортсмены часто оказываются в положении, когда они лишены возможности принимать эффективные лекарственные средства

даже тогда, когда это вызвано острой необходимостью. В частности, запрещено использование наиболее эффективных анестетиков, а разрешенные могут использоваться при лечении спортсменов только местно или в виде внутрисуставных инъекций, но и их применение требует согласования с допинговыми службами. Спортсмены не могут использовать глюкокортикостероиды. Большие сложности возникают у спортсменов в связи с использованием в медицинских целях антиастматических препаратов, инсулина, антидепрессантов, кардиопротекторов, противовоспалительных препаратов, а также пищевых добавок.

Следовало бы задуматься над фактами участившихся в последние годы случаях внезапных смертей спортсменов высшего класса во время напряженной тренировочной деятельности и соревновательных стартов. Косвенные данные свидетельствуют о том, что эти трагические случаи нередко связаны с боязнью врачей назначать спортсменам необходимые профилактические лекарственные препараты, а спортсменов – применять такие препараты, подвергая себя риску дисквалификации по причине использования допинга. Поэтому специалистам WADA было бы полезно оценить свою роль в подобных трагических случаях, а следственным органам – учесть наличие этого фактора при изучении их причин.

Общепринятой в цивилизованном мире нормой является право людей на невмешательство в изучение состояния их организма. Человек не может подвергаться принудительным анализам, и здесь речь идет не только о составе мочи и крови, но и о нововведении WADA, относящемся к принудительному созданию биологических паспортов, раскрывающих физиологический и биохимический профиль организма атлетов. По отношению к атлетам высшей квалификации это тем более незаконно, ибо многие биологические параметры отражают достижения их профессиональной деятельности – эффективность процесса подготовки, функциональные резервы и т.п., что является конкурентным преимуществом атлетов, которое они желают держать в тайне.

Таким образом, Всемирный антидопинговый кодекс и практическая деятельность по его реализации ограничивают права атлетов на автономию, частную жизнь, самоопределение, получение медицинской помощи по сравнению с другими гражданами [25, 59], входят в противоречие с рядом статей Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН. И совершенно непонятно, почему атлеты должны

допускать поправку своих прав из-за неспособности WADA решать свои задачи в пределах допустимых норм и правил [13].

Деятельность WADA и антидопинговых лабораторий по отношению к спортсменам подвергается постоянной и резкой критике со стороны представителей разных сфер деятельности, начиная от видных деятелей спорта, медицины, юриспруденции и заканчивая высококвалифицированными представителями средств массовой информации. Особую обеспокоенность выражают врачи, утверждая, что ограничения спортсменов в доступе к современным препаратам в лечебных целях чреваты тяжелыми последствиями для их здоровья и даже жизни [27].

Однако сотрудники антидопинговых служб уже на протяжении многих лет остаются абсолютно невосприимчивыми к критике, рекомендациям и призывам. Возникает вполне естественный вопрос: почему так происходит? Ответ на него во многом кроется в том, что подавляющее большинство специалистов, занимающих ведущие позиции в WADA и антидопинговых лабораториях, по образованию являются юристами, менеджерами, экономистами, физиками-аналитиками, химиками-аналитиками и имеют очень слабые представления о системе подготовки спортсменов, нагрузках и рисках современного спорта, проблемах спортивной физиологии и спортивной медицины. Им чуждо уважение к огромному труду, который вкладывают спортсмены в процесс подготовки и соревновательную деятельность в течение многих лет жизни, а позиции специалистов в сфере спорта и спортивной медицины ими воспринимаются как пустой звук. Основой их деятельности, как показывает многолетняя практика, являются коммерческие интересы, стремление к сохранению и укреплению монопольного положения и права манипулировать в сфере антидопинговой деятельности.

Деятельность спортсмена в современном спорте отличается исключительным разнообразием, сложностью и напряженностью, характеризуется огромными временными затратами, предельными физическими нагрузками, острой конкуренцией в соревнованиях, травмами (часто тяжелыми) и профессиональными заболеваниями, нередко длительными и сложными процессами реабилитации и возвращения в спорт. Многие годы, отданные спорту, создают сложности с получением образования, карьерой и социальной адаптацией после окончания занятий спортом, в семейных отношениях и т.п. Естественно, что все это ло-

жится тяжелым грузом на психику спортсмена и в случае разных негативных проявлений может самым отрицательным образом сказаться на здоровье атлетов, вызвать состояние тяжелой депрессии. В этой связи поражают цинизм и произвол чиновников WADA и IAAF, которые – из-за своих амбиций и желания свести счеты с группой спортивных чиновников и антидопинговой службой России – лишили права участвовать в Играх Олимпиады в Рио-де-Жанейро легкоатлетов, никогда не уличенных в нарушении антидопинговых правил, сломав им спортивные и человеческие судьбы. А ведь многие из этих атлетов являются славой мирового спорта, имеют миллионы почитателей их таланта. Своими достижениями они обеспечили авторитет своего вида спорта, его финансовую мощь и беззаботную жизнь чиновников ассоциации, так бесчеловечно поправших их права. Какой же урок из этой акции могут извлечь юные атлеты, впервые получившие право участвовать в Олимпийских играх, и как смогут смотреть им в глаза недавно избранный и, как сегодня понятно, ошибочно, президент IAAF С. Коу и руководитель WADA Риди Крейг и другие деятели, ставшие инициаторами циничного наказания ни в чем невиновных спортсменов, внедряя абсурдный принцип их коллективной ответственности за действия людей, не имеющих к ним никакого отношения.

СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ И ТРЕНИРОВОЧНЫЕ НАГРУЗКИ СОВРЕМЕННОГО СПОРТА И БОРЬБА С ПРИМЕНЕНИЕМ ДОПИНГА

Председатель Медицинской комиссии МОК Александр де Мерод в 1989 г., выступая на совместном заседании Исполкома МОК и Ассоциации международных федераций по летним видам спорта сказал: «Чтобы избавиться от явления, нужно искать его причины. Иначе те же самые причины будут приводить к прежним результатам. Перегруженный календарь соревнований требует от спортсменов повышения их нормальных возможностей. Это приводит к тому, что, с одной стороны, спортсменов подвергают контролю, а с другой – подобные нагрузки могут выполняться только с помощью незаконных средств». С тех пор прошло более четверти века. За это время соревновательный календарь не только не сократился, но и существенно расширился, в основном, за счет престижных коммерческих соревнований. Значительно возросла и конкуренция в

соревнованиях, повлекшая за собой увеличение соревновательной нагрузки и более напряженную подготовку спортсменов.

На материале велосипедного спорта и тенниса кратко охарактеризуем соревновательные и тренировочные нагрузки, которые приходится переносить спортсменам высшей квалификации. Например, суммарная нагрузка велосипедистов, выступающих в гонках «Тур де Франс», в среднем выглядит следующим образом: общая продолжительность 21 день (19 дней гонки, два дня отдыха); преодолеваемая дистанция – около 3500 км, средняя протяженность этапов достигает 180–190 км, протяженность половины этапов достигает 180–240 км и более; общая продолжительность гонки у сильнейших спортсменов – 85–90 ч, продолжительность прохождения отдельных этапов до 6–7 ч. И это лишь около 20 % общего соревновательного объема, который приходится выполнять велосипедистам-шоссейникам в течение 110–120 соревновательных дней в году. К соревновательному объему добавляется примерно такой же, а иногда и больший, тренировочный объем.

Соревновательный календарь в современном теннисе охватывает все 52 недели года. В течение этого времени сильнейшие теннисисты мира обычно выступают в 20–24 турнирах, а некоторые даже в 26–27. Количество сыгранных матчей в среднем составляет 70–74, а у отдельных спортсменов достигает 82–88. В наиболее напряженных турнирах сильнейшие спортсмены, претендующие на победу, в течение двух недель участвуют в 6–7 матчах, большая часть которых отличается максимальными нагрузками. Такие матчи характеризуются следующими показателями: продолжительность – 246 ± 46 мин, количество геймов – 47 ± 6 , количество ударов – 834 ± 110 , темп – $25 \pm 0,3$ уд·мин⁻¹ [16]. Большая часть ударов требует быстрой реакции, связана с ускорениями, остановками, сменой направления движений, предельной мобилизацией скоростно-силового потенциала, возможностей аэробной и анаэробных систем энергообеспечения, психики и др. Воздействие соревновательных нагрузок на организм спортсменов часто усугубляется проведением соревнований на открытых кортах в условиях жары. Такие соревновательные нагрузки приходится переносить не только молодым спортсменам, находящимся на пике спортивной карьеры, но и многим спортсменам в возрасте 30–36 лет и более старшем, выступающими на мировой арене 10–15 и более лет, отяго-

щенных профессиональными заболеваниями и последствиями многочисленных травм. К объему соревновательной нагрузки добавляется тренировочный объем, который обычно в 1,5–2 раза больше соревновательного.

Аналогичные нагрузки переносят бегуны на длинные дистанции, пловцы, гребцы, биатлонисты, лыжники, футболисты и др. Кто хоть немного понимает в физиологии и медицине, объяснит, что переносить такие нагрузки невозможно без серьезного риска для здоровья и риска внезапной смерти, если не использовать потенциал средств и возможностей диетологии и фармакологии. Кстати, проблема здоровья спортсменов, травматизма и профессиональных заболеваний, инвалидности и внезапной смерти, продолжительности жизни является значительно более острой, чем проблема применения допинга. Однако внимание к ней, к сожалению, по вполне понятной причине, несопоставимо с тем вниманием, которое уделяется использованию допинга.

В 1989 г. под влиянием разоблачений, связанных с массовым применением запрещенных веществ и методов участниками велогонки «Тур де Франс» 1988 г., президент МОК Хуан Антонио Самаранч призвал к изменению подхода к борьбе с допингом, опираясь на глубокий анализ практики, современные данные науки и поддержав позицию, которую десятью годами ранее занял Александр де Мерод. Эта точка зрения получила широкую поддержку в среде специалистов. Например, руководитель известной профессиональной команды велосипедистов «Банесто» Эйсебио Унсуе отметил: «Я крайне благодарен руководителю олимпийского движения за то, что он изложил свою позицию по вопросам допинга именно сейчас, когда поиски гонщиков, потребляющих запрещенные препараты, стали смахивать на средневековую охоту на ведьм. Все критики президента прекрасно знают, что проблема допинга отнюдь не однозначна и что организму спортсменов, которые работают в экстремальных условиях, подчас просто необходимы те самые запрещенные препараты». Его поддержал не менее авторитетный в велосипедном спорте специалист, директор одного из спортивных клубов Маноло Сайс: «Хватит лицемерить. Самаранч стал первым человеком в МОК, который нашел в себе мужество взглянуть на проблему допинга без ханжества. Думаю, что он наконец-то смог найти путь, по которому и должен идти далее профессиональных спорт».

Эти взгляды разделили и президенты наиболее авторитетных международных спортив-

ных федераций, многие видные представители политических и деловых кругов, спортивной и медицинской науки. Абсолютно невосприимчивыми к такой позиции оказались лишь представители антидопинговых служб, что было вполне предсказуемым.

В настоящее время стало очевидным, что если кому-то не нравится обоснованное с физиологической и медицинской точек зрения применение субстанций, позволяющих переносить нагрузки соревновательного спорта без серьезных последствий для здоровья спортсменов, то необходимо либо в корне менять всю систему подготовки и соревнований, что представляется абсолютно нереальным, либо сконцентрировать внимание на разработке специальных программ питания и применения эффективных и безопасных для здоровья субстанций, способствующих повышению работоспособности, оптимизации адаптационных и восстановительных реакций, нормализации психического состояния спортсменов, обеспечивающих профилактику травм, переутомления, перетренированности, снижение риска серьезных патологических изменений и внезапной смерти, ускорение и повышение эффективности реабилитации после травм и заболеваний.

В основу антидопинговой деятельности необходимо поставить не абстрактные рассуждения о «духе спорта» и преследование спортсменов за применение всего того, что может повысить спортивные результаты, эффективность подготовки и сохранить здоровье, а отделение действительно вредных субстанций, количество которых во много раз меньше введенных WADA в Запрещенный список, от полезных, разработку допустимых норм применения необходимых препаратов и т. д. Не менее важно заменить «полицейские» методы борьбы с допингом образовательной и воспитательной деятельностью, которая ориентирована на осознанное применение эффективного и безвредного, а исключение — опасного и вредного.

ГЛАСНОСТЬ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

Вся деятельность WADA и антидопинговых лабораторий в отношении потенциальных нарушителей антидопинговых правил должна иметь строго конфиденциальный характер до момента принятия официального решения о выявленных нарушениях. Однако в практической деятельности антидопинговых служб это

правило систематически нарушается, начиная с первых лет деятельности Агенства.

Перед открытием XIX зимних Олимпийских игр 2002 г. в Солт-Лейк-Сити повсеместно была распространена неофициальная информация о том, что антидопинговые службы располагают сведениями о неких 20 спортсменах (не называя их фамилий), у которых во время предыдущих стартов якобы был выявлен допинг, и что этот список будет оглашен в день открытия Игр. «Дирижеры» акции остались в тени, а множеству приехавших в Солт-Лейк-Сити спортсменов из разных стран в течение нескольких дней была обеспечена изрядная нервотрепка.

В середине января 2003 г. вспыхнул новый скандал, спровоцированный прозвучавшим в эфире шведской радиостанции «Radiosporten» выступлением датского профессора Бенгта Салтина — руководителя медицинской комиссии Международной федерации лыжного спорта (FIS) и члена комитета по здоровью, медицине и исследованиям WADA. Как сообщили информационные агентства, комментировавшие выступление Салтина, этот профессор заявил, что у 15 лыжников состав крови серьезно изменился по сравнению с показателями предыдущего сезона, и это дает веские основания подозревать их в использовании запрещенных препаратов, а потому на предстоящем чемпионате мира 2003 г. в Валь-ди-Фиемми все подозреваемые лыжники будут под особым контролем. У тех, кто находится под подозрением, анализы будут брать после каждой дисциплины независимо от занятых мест. Их результаты мы узнаем еще до того, как начнется следующая гонка, чтобы успеть применить санкции» [15].

Эти обвинения, вызвавшие бурную реакцию специалистов и прессы, оказались пустыми словами: на чемпионате мира по лыжным гонкам в Валь-ди-Фиемми допинг-контроль не выявил ни одного случая применения запрещенных веществ.

Оглашение предварительных результатов, всякого рода домыслы, слухи и подозрения, превратились в одну из особенностей деятельности антидопинговых служб, что абсолютно недопустимо, так как создает вокруг спортсменов среду, несовместимую с эффективной тренировочной и соревновательной деятельностью.

Особенно острая атмосфера, связанная с антидопинговой деятельностью, нагнетается в преддверии крупнейших соревнований, особенно Олимпийских игр. Например, если

провести анализ содержания публикаций, содержащихся в спортивной прессе в течение нескольких месяцев, предшествующих Играм XXXI Олимпиады 2016 г., то легко убедиться в том, что допинговой проблематике уделено значительно большее внимание, чем подготовке Рио-де-Жанейро к проведению Игр, перспективам команд и спортсменов, культурной программе Игр и т.п.

Достаточно сослаться лишь на скандал, поразивший олимпийский спорт в первой половине 2016 г. в связи со скоропалительным и весьма трудно объяснимым введением в список запрещенных препаратов жизненно необходимого кардиопротектора мельдония и агрессивным обвинением большой группы спортсменов восточноевропейских стран, в основном российских, в применении этого препарата, — с требованием лишить их права участия в Олимпийских играх. При этом особенно усердными в этом отношении оказались представители Антидопингового агентства США — страны, в которой своих проблем с допингом больше, чем где бы то ни было [5, 12, 34, 36, 58]. И, конечно, во всей этой истории просматривалось очевидное желание устранить основных конкурентов в борьбе за награды Игр Олимпиады. В начале июня 2016 г. WADA сообщило о большом количестве случаев применения запрещенных субстанций, якобы выявленных при дополнительном анализе проб участников ранее проведенных Олимпийских игр 2008 и 2012 гг. Фамилии не были названы, однако атмосфера перед Играми XXXI Олимпиады еще больше накалилась. И здесь вновь много вопросов. Во-первых, для чего это делалось накануне Игр в Рио-де-Жанейро, а, во-вторых, как же совсем недавно WADA организовало допинг-контроль, если оказалось неспособным установить широкое применение допинга?

Подобные факты являются питательной средой для многочисленных (в значительной своей части недобросовестных) представителей прессы, наводнивших информационное пространство скандальными публикациями, телепередачами и даже документальными фильмами, содержание которых в большинстве случаев опирается не на объективный анализ, а на всякого рода косвенные улики, сомнительные показания ангажированных спортсменов и специалистов, провокации, домыслы, преувеличения и откровенные сплетни.

Созданная WADA среда открыла широкую возможность использования олимпийского

спорта для политических манипуляций, обвинений и призывов, далеко выходящих за рамки спорта и заполнивших информационное пространство накануне Игр Олимпиады 2016 г. И здесь уже WADA и поддерживающие это Агентство международные спортивные федерации, в частности Международная ассоциация легкоатлетических федераций, становятся заложниками ими же развернутого международного скандала, грозящего серьезными потерями для Олимпийских игр и для легкой атлетики как наиболее представительного вида в их программе.

Всемирное антидопинговое агентство не имеет ни юридического, ни морального права создавать вокруг спорта и спортсменов подобную атмосферу. Если имеются факты, то, в соответствии с законодательством, их надо официально оглашать и принимать соответствующие меры. Если фактов нет, а представители WADA используют олимпийский спорт в целях саморекламы, то санкции нужно применять и к таким специалистам, и к самому Агентству, лишая их права работать в этой сфере. Политика, согласно которой WADA находится вне санкций, недопустима.

МОНОПОЛИЗАЦИЯ АНТИДОПИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основой прогресса в любой сфере человеческой деятельности является свободная конкуренция, противодействие монополизации, опасность которой состоит не только в подавлении конкуренции, но и в создании препятствий для внедрения новых идей, перспективных подходов и решений. Монополизация неизбежно приводит к застою, снижению доверия и деградации, причем не только в сфере экономики или политики, где угроза монополизма проявляется с особой очевидностью, но и в науке, образовании, культуре, спорте. В противовес этому система антидопинговой деятельности сформирована на основе политики полной монополизации. Самое удивительное, что произошло это в крайне сложной, противоречивой и неоднозначной области знаний и практической деятельности, успешное развитие которой только и возможно на основе конкуренции идей и практических решений. Монополизация антидопинговой деятельности в олимпийском спорте, которой смогло добиться WADA за годы своего существования, привела к потребительскому отношению к олимпийскому спорту в целом, неуважительному — к спортивной и медицинской наукам,

пренебрежительному — к альтернативным подходам, успешно реализуемым в борьбе с допингом во многих видах профессионального спорта [12, 13].

Монополизация борьбы с допингом не только привела WADA к самоизоляции и ограничению в развитии, но и загнала проблему борьбы с допингом в тупик, опасный для олимпийского спорта, оказала разрушительное действие на ряд важнейших направлений развития спортивной науки, подавила инициативы в поиске путей решения проблемы.

Понятно, что добровольно WADA не откажется от своей монопольной власти и не согласится отказать от нынешнего огромного влияния в спорте высших достижений и прежде всего — в олимпийском спорте. Однако МОК и МСФ неизбежно придется пересмотреть подходы к борьбе с допингом, которую следует вести по законам спорта и на более демократических основах, а не по велению одной организации.

Процесс демонополизации борьбы с допингом не должен ограничиваться лишь проблематикой определения запрещенных средств и основ деятельности антидопинговых структур. Следовало бы подвергнуть анализу и сам подход к проблеме. Специалисты в области общей медицины с удивлением и скептицизмом анализируют сложившуюся в спорте систему борьбы с допингом и полагают, что здесь мог бы оказаться полезным принципиально иной подход. В частности, они, отмечая нежизненность насажденной WADA системы тотального контроля, в которой научная обоснованность, точность и объективность подменены всеобщим преследованием и устрашением, предлагают принципиально иной путь, основанный на заботе о здоровье спортсменов [3, 27]. Хорошо известно, что современный спорт — экстремальная сфера деятельности, многие составляющие которой, в том числе и некоторые фармакологические средства, являются потенциально опасными для здоровья спортсменов. И допинг среди этих факторов — далеко не самый значимый. Поэтому одностороннюю и безуспешную борьбу с допингом следовало бы заменить глобальным контролем за здоровьем спортсменов со стороны органов здравоохранения. Это позволило бы реально оценивать факторы риска для здоровья спортсменов, включая и использование опасных для здоровья препаратов, на основе применения широко распространенных современных диагностических методов и принятых в медицине стандартов, ввести соответствующие ограничения в отношении тренировочной

и соревновательной деятельности, включая и отстранение от соревнований.

НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ К ОПЫТУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ФЕДЕРАЦИЙ

Как известно, борьба с допингом — не инициатива WADA. Еще за много десятилетий до образования этого Агентства с допингом стали бороться международные федерации футбола и легкой атлетики, затем к этой работе подключились международные федерации велосипедного спорта, тяжелой атлетики и др. Не стояли в стороне и организации профессионального спорта — бейсбола, хоккея, баскетбола, американского футбола, бокса, гольфа и др. Каждая из них разработала свои подходы с учетом всей совокупности факторов, влияющих на развитие, популярность и авторитет конкретного вида спорта, постоянно работала над совершенствованием антидопинговых правил. Эта деятельность на протяжении десятилетий никогда не вызвала острых конфликтов в командах, лигах и ассоциациях игроков, протеста профсоюзов спортсменов, отрицательной реакции общественности и СМИ.

К сожалению, этот богатый опыт разработки Всемирного антидопингового кодекса проигнорировали, зато попытались активно навязать свой Кодекс организациям профессионального спорта, отстаивая точку зрения, согласно которой в профессиональном спорте борьба с допингом либо не ведется вообще, либо ведется неудовлетворительно. Но даже с позиций формальной логики такая точка зрения была неправильной: никто в большей степени, чем международная федерация (ассоциация, лига и т. п.) вида спорта, не заинтересован в сохранении авторитета своего вида спорта, в морально-этическом облике ведущих спортсменов, в должной квалификации специалистов — тренеров, судей, организаторов, врачей и др. Так неужели федерации, которые глубоко знают все стороны своих видов спорта, включая сложнейшую проблематику спортивной подготовки, ее морально-этического, научного, медицинского и информационного обеспечения, факторов риска для здоровья спортсменов и профилактики травматизма, не способны сами разобраться с проблемой допинга — определением того, что к нему относится, а что — нет, как вести профилактическую работу, какую систему санкций вводить и др.?

В этой связи трудно понять, что же дало основание прежнему руководителю WADA Р. Па-

унду с крайним пренебрежением относиться ко мнению федераций профессионального спорта, характеризовать их предложения как пародию на антидопинговую деятельность, отказ от ответственности в отношении честности спорта, оскорбление публики и навязывать федерациям и лигам профессионального спорта антидопинговый Кодекс [46, 47], который заведомо являлся абсолютно неприемлемым для них. И поэтому у Паунда не было ни малейших оснований обижаться на негативную реакцию организаций профессионального спорта по поводу его писем с просьбой рассмотреть и признать Всемирный антидопинговый кодекс. Национальная хоккейная лига (NHL) отказалась вообще обсуждать этот вопрос. Ассоциация профессиональных игроков в гольф сообщила, что у них нет проблемы с допингом. Национальная футбольная лига (NFL) и Национальная баскетбольная ассоциация (NBA) сообщили, что они полностью удовлетворены собственными эффективными программами борьбы с допингом и вообще это проблема не внешних организаций, а должна рассматриваться лигами и ассоциациями игроков [46, 47].

Нежелание американских ассоциаций и лиг профессионального спорта сотрудничать с WADA не означает, что они не хотят бороться с допингом или закрывают глаза на эту проблему. Просто выработанные ими подходы к данной проблеме никак не соотносятся с подходами WADA. Это касается трактовки понятия «допинг», списка тестируемых веществ, системы контроля и санкций в отношении спортсменов, уличенных в применении допинга, урегулирования спорных вопросов.

Например, любые вопросы, касающиеся наказаний спортсменов-профессионалов, рассматривает не так называемый независимый Спортивный арбитражный суд в Лозанне, являющийся, по сути, орудием реализации политики WADA и лишаящий спортсменов права на юридическую поддержку, о чем открыто говорят видные специалисты [8], а суды обычной юрисдикции, компетентные рассматривать любые гражданские дела, в том числе и касающиеся трудовых отношений. Разумеется, эти суды руководствуются национальным трудовым законодательством своих стран, а не идущими вразрез с юридическими нормами и здравым смыслом правилами WADA.

Борьба с допингом в профессиональном спорте, конечно, не решает проблемы, но имеет сдерживающий характер. Списки запрещенных веществ связаны со спецификой ви-

дов спорта, система санкций – разнообразная и гибкая [2, 9, 12]. И такое положение имеет место не только в американских лигах профессионального спорта, но и в мировом футболе, боксе, автогонках. Антидопинговая деятельность в профессиональном спорте не является разрушительной, не снижает его популярности и коммерческой притягательности, не приводит к конфликтам с телевидением и спонсорами и т. п., не имеет тех тяжелых негативных последствий, которые проявились в олимпийском спорте.

Руководители WADA не столь наивны, чтобы надеяться завоевать в профессиональном футболе, боксе, бейсболе, гольфе, хоккее с шайбой, американском футболе, автогонках и других видах профессионального спорта те позиции, которые они сумели занять в олимпийском спорте, но попытки дискуссий на эту тему с критикой подходов антидопинговой деятельности, реализуемых в профессиональном спорте, призваны способствовать сохранению позиций WADA в олимпийском спорте, которые никак нельзя считать стабильными и устойчивыми.

С нашей точки зрения, опыт борьбы с допингом в профессиональном спорте может быть чрезвычайно полезным для олимпийского спорта, особенно с учетом профессионализации последнего и сближения олимпийского и профессионального спорта, активного участия профессионалов в Олимпийских играх.

БОРЬБА С ДОПИНГОМ — ДОХОДНЫЙ БИЗНЕС

Необходимо признать, что борьба с допингом за последние 15–20 лет приобрела принципиально новые черты. Допинг стал сферой серьезного бизнеса, в котором существуют как абсолютно легальные, так и криминальные проявления. Вполне естественно, что в развитии этого бизнеса заинтересованы представители разных сфер:

- производители лекарственных веществ, которым выгодно максимальное продвижение на рынок своего товара и которые очень далеки от идеалов спорта и политики МОК;
- производители дорогостоящего и исключительно сложного аналитического оборудования, которым оснащаются и постоянно обновляются антидопинговые лаборатории;
- рекламные агенты, поставщики, посредники, обеспечивающие поставку лекарственных веществ;

- разработчики фармакологических программ, консультанты по применению препаратов и способам их маскировки;

- антидопинговые службы, которые, как известно, являются коммерческими структурами и прежде всего заинтересованы в извлечении прибыли, а не в решении проблемы допинга в спорте;

- спортсмены, тренеры, врачи, а часто и представители спортивных федераций, заинтересованные в достижениях спортсменов как серьезном источнике доходов, постоянно возрастающих в связи с бурной профессионализацией и коммерциализацией спорта.

Большинству представителей этих направлений не выгодно уменьшение распространения допинга. Даже WADA и, особенно, антидопинговые лаборатории, которые, казалось бы, должны стремиться к искоренению допинга, реализуют лишь экономически выгодные программы, связанные с расширением и удорожанием тестирования, с распространением своего влияния на неолимпийские виды спорта, со стремлением приобщиться к наиболее богатым лигам профессионального спорта и т. д.

Борьба с допингом превратилась в мощную сферу бизнеса, приносящую ее участникам доходы, не сопоставимые с реальными усилиями и результатами их деятельности. Поэтому любое вмешательство в эту сферу, даже со стороны признанных авторитетов – скажем, Хуана Антонио Самаранча, Йозефа Блаттера, Хейна Фербюггена, Виталия Смирнова – воспринимается такой системой крайне болезненно. В этом русле следует рассматривать и исключительно ревностное отношение WADA к созданию альтернативных антидопинговых структур.

Экономическими интересами во многом обусловлено и интенсивное противодействие международной системы допинг-контроля изменению методологии борьбы с допингом в сторону образования и воспитания, сужения круга запрещенных веществ и методов, дифференциации систем допинг-контроля в зависимости от специфики конкретных видов спорта, разрешения препаратов, которые целесообразно использовать для повышения эффективности подготовки и профилактики негативных воздействий огромных физических нагрузок современного спорта.

Очевидно, что многие средства и методы запрещены ошибочно, без достаточных оснований, и большинство из них требуют не запрета, а ограничений, оптимальных дозировок, и

лишь небольшая часть средств (наркотики, отдельные гормональные препараты и стимуляторы) вообще не могут быть использованы. Контроль необходимо производить с учетом специфики вида спорта, не прибегая к попыткам выявить применение веществ, которые даже теоретически не могут быть использованы в том или ином виде спорта, например, анаболических стероидов и психостимуляторов в пулевой стрельбе или стрельбе из лука, а седативных средств – в тяжелой атлетике или спринтерском беге. Однако это привело бы к существенному удешевлению системы допинг-контроля, снижению остроты самой проблемы и, естественно, к уменьшению доходов и значимости структур и людей, задействованных в этой сфере.

Нежелание WADA заниматься этими проблемами становится понятным, если обратиться к финансовой стороне дела. В настоящее время трудно получить полную и разностороннюю информацию о доходной и расходной частях бюджета WADA и аккредитованных агентством более 30 антидопинговых лабораторий, а также о дополнительных доходах сотрудников этих организаций. Однако даже наиболее общие данные свидетельствуют об огромных средствах, затрачиваемых на антидопинговую деятельность. Например, бюджет WADA в последние годы колебался в пределах 25–35 млн дол. США и постоянно возрастал. Бюджеты наиболее активно работающих антидопинговых лабораторий составляли от 10 до 15 млн дол. США.

Интересны официальные данные, которые приводит WADA относительно своего бюджета (табл. 1). Например, в 2011–2012 гг. расходы на зарплату персонала удвоились по сравнению с 2009–2010 гг. При этом при существенном увеличении бюджета сократились расходы на основную деятельность – научные исследования и тестирование. Кроме того, сумма консолидированного бюджета намного превышает показанную расходную часть. Все это выглядит весьма странно.

Основным направлением финансовой деятельности антидопинговой системы является стремление к постоянному увеличению количества проб и цен за проведенные анализы. В частности, в 1970–1980-х годах система антидопингового контроля, сформированная Медицинской комиссией МОК, предусматривала выборочное тестирование на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы по олимпийским видам спорта. Ежегодно количество тестов не превышало 1–2 тыс., а в годы прове-

ТАБЛИЦА 1 – Доходы и расходы WADA за 2009–2012 гг.

Доходы и отдельные статьи расходов	Суммы по годам, дол. США			
	2009	2010	2011	2012
Консолидированный бюджет	24 905 825	28 069 083	38 865 902	35 270 630
Зарплата персонала	7 464 075	8 597 721	16 070 589	16 276 161
Зарплата, % бюджета	29,96	30,63	41,34	46,16
Переезды и командировки	2 627 010	3 249 554	3 632 684	3 580 896
Гранты на разработки новых тестов	6 478 044	5 933 043	4 887 468	5 718 427
Тестирование проб на допинг	1 415 457	1 617 570	1 441 166	907 701

дения Олимпийских игр – 3 тыс., а цена каждой из проб, проанализированных лабораториями, составляла около 40 дол. США [50].

В настоящее время ситуация изменилась кардинально. Количество проб, проведенных только аккредитованными WADA лабораториями в последние годы, превышает 200 тыс., т. е. за указанный период возросло примерно в 100 раз. При этом WADA постоянно ставит вопрос о необходимости дальнейшего существенного увеличения объемов тестирования [47]. Все время возрастают и цены за проведение анализов.

Следует также отметить, что в мире существует большое количество неаккредитованных WADA антидопинговых лабораторий национального уровня, стремящихся соответствовать критериям WADA как по аппаратному оснащению, так и по рекомендуемому количеству ежегодных тестов – не менее 3 тыс. Например, оснащение такой лаборатории в Украине лишь в течение 2007–2008 гг. обошлось государству примерно в 10 млн дол. США, а поддержание ее деятельности требует больших ежегодных расходов на проведение тестов и постоянного аппаратного обновления. Что же касается результатов деятельности этой лаборатории, то они ничтожны по сравнению с затрачиваемыми средствами.

Финансовая деятельность антидопинговой системы не ограничивается приведенными направлениями. Во многих случаях имеют место доходы от консультационных услуг, оказываемых спортсменам, от сотрудничества с фармацевтическими фирмами, фирмами–производителями аналитического оборудования, спортивными организациями. Таким образом, антидопинговая деятельность превратилась в мощную коммерческую сферу, серьезный бизнес, который развился на материале спорта.

Когда речь идет о таких огромных деньгах (а современная система допинг-контроля, в основном, является частной, включая

и WADA), очень неубедительно выглядят настойчивые попытки руководителей WADA и других представителей международной системы допинг-контроля представить свою деятельность как альтруистическую, направленную исключительно на борьбу за чистоту идеалов спорта и сохранение здоровья спортсменов.

ВЛИЯНИЕ АНТИДОПИНГОВОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАКТИКИ НА МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПОРТСМЕНОВ

Анализируя проблему допинга в современном спорте, нельзя обойти вниманием один чрезвычайно важный как в медицинском, так и в юридическом и морально-этическом отношениях вопрос – проблему применения с лечебной целью препаратов, отнесенных WADA к допинговым.

Для получения разрешения на использование таких лекарственных веществ в лечебных целях WADA разработало специальную процедуру, согласно которой спортсмен может через национальное антидопинговое агентство подать запрос на терапевтическое использование запрещенного средства или метода. К запросу необходимо прилагать подробную выписку из медицинской карты или истории болезни спортсмена, а также данные лабораторных и инструментальных методов обследования, подтверждающие необходимость применения запрещенных средств или методов (например: рентгенограммы, кардиограммы, результаты анализов крови, мочи, данные спирометрии, бронхопровокационного теста и др.). При этом медицинские документы должны отражать состояние здоровья спортсмена и проводимое лечение на момент подачи запроса. Запрос и документы рассматриваются в течение 30 дней, поэтому спортсмену следует направить в WADA данные материалы за 30 дней до той даты, когда ему потребуется разрешение. Запрос, поданный

после использования запрещенного вещества или метода (запрос, имеющий обратную силу), будет рассматриваться только в том случае, если запрещенное вещество или метод были использованы для оказания экстренной медицинской помощи. Спортсмен имеет право использовать средства и методы из Запрещенного списка при наличии разрешения, выданного Комитетом по терапевтическому использованию (КТИ) антидопинговой организации. При этом во время действия разрешения на терапевтическое использование КТИ может в любой момент инициировать пересмотр решения о выдаче разрешения. WADA через КТИ имеет право проверять любое разрешение на терапевтическое использование, выданное федерацией или КТИ, и соответственно отменить любое решение.

Процедура отличается громоздкостью и выраженным элементом субъективизма. В-первых, значительный элемент субъективизма присутствует в определении диагноза: при желании всегда можно сослаться, что недостаточен результат какого-либо лабораторного или инструментального метода, что не позволяет считать диагноз окончательно установленным и подтвержденным. Во-вторых, дискуссионным является вопрос об эффективности и целесообразности применения тех или иных препаратов для лечения конкретной патологии и у конкретного пациента. Однако здравый смысл подсказывает, что врач, стоящий у постели конкретного больного, может более корректно определиться с этими вопросами, чем некие «члены КТИ». Даже если они и являются квалифицированными специалистами в области спортивной медицины, они не наблюдали пациента и с данным клиническим случаем знакомы только заочно, а кроме того, не исключено, что они могут вообще не иметь опыта лечения этой конкретной патологии [3].

Иными словами, получение разрешения на терапевтическое использование в значительной степени зависит от субъективного фактора. Это в равной мере относится и к подаче заявки на терапевтическое использование задним числом по экстренным показаниям: спасение жизни человека может быть квалифицировано как применение допинга – со всеми вытекающими отсюда последствиями как для врача, так и для спортсмена [14].

В экстренных случаях (травматический шок, солнечный удар и др.) может быть применена запрещенная субстанция, однако ни врач, ни спортсмен не имеют гарантий того, что ис-

пользование лекарственного препарата будет признано оправданным, а не будет расценено как нарушение антидопинговых правил.

Все это входит в противоречие как со здравым смыслом и моральными принципами, так и с юридическими нормами, регламентирующими деятельность медицинских работников во всех цивилизованных странах. Совершенно абсурдно и аморально выглядит подход, согласно которому врач, спасший жизнь человека, может быть обвинен в каких-либо недопустимых действиях. Что же касается юридических аспектов, то не оказание медицинской помощи медицинским работником, несомненно, является противоправным деянием. Законодательные акты любой цивилизованной страны признают объектом преступления жизнь и здоровье человека, а также определяют порядок выполнения медицинскими и фармацевтическими работниками своих профессиональных обязанностей [3, 41].

Однако даже в тех случаях, когда терапевтическое применение допингового препарата не является экстренным, официально определенный срок рассмотрения заявки (до 30 дней) в любом случае неприемлем с точки зрения лечащего человека не вызывает сомнений тот факт, что лечение любого заболевания следует начинать немедленно по факту установления диагноза, а не спустя какое-то время. В противном случае возможны тяжелые, а иногда и необратимые, последствия, моральную и юридическую ответственность за которые несет медицинский работник, допустивший возникновение такой ситуации.

Нынешняя практика, организованная WADA, находится в противоречии с базовыми принципами врачебного долга, например, с принципом конфиденциальности, обязательствами действовать исключительно во благо клиента. Врачи, которые руководствуются этими принципами, рискуют быть обвиненными в пособничестве и подстрекательстве к потреблению допинга, а применяемые ими общедоступные и наиболее эффективные средства профилактики и лечения часто считаются допингом [41]. Трудно обойти врачу и откровенные противоречия между требованиями WADA и его профессиональными знаниями, опытом и обязанностями, которыми он должен руководствоваться в интересах клиента в соответствии с врачебной клятвой, что во многом связано с откровенным невежеством WADA в отношении медицины и обязанностей врачей [18].

Таким образом, в отношении здоровья спортсменов и оказания им медицинской помощи WADA превратилось в надстройку над официальной медициной, нарушая элементарные права спортсменов, права и обязанности врачей. И в этом случае, как и во многих других, мы видим, к чему привела политика отстранения от решения проблемы специалистов и передача прав «управленцам-универсалам».

Привлечение ведущих научных центров, разрабатывающих эргогенные средства и методы, позволило бы кардинально укрепить методологическую базу антидопинговой деятельности, отделить вредное и категорически запрещенное для спортсмена от рационального и полезного и, в конечном итоге, вернуть ход борьбы с допингом в спорте в позитивное русло. Такое смещение акцента в борьбе с допингом явилось бы и весомым вкладом в развитие этого важнейшего направления спортивной науки, которое из побочного, в определенной мере теневого, превратилось бы в одно из широко и гласно разрабатываемых, освещаемых в научной печати, обсуждаемых на научных форумах, дающих рекомендации для практики, в том числе и для совершенствования антидопинговой системы.

Применение лекарственных веществ в спорте должно быть прерогативой исключительно врачей, физиологов, фармакологов, а не юристов и управленцев, и тогда не придется говорить, что вопросы использования спортсменами лекарственных препаратов решаются людьми, ничего не понимающими ни в спорте, ни в спортивной медицине.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ежегодном бюджете WADA предусматривается около 5 млн дол. США на научно-исследовательские программы. Однако все исследования, финансируемые WADA, концентрируются на разработке новых и усовершенствовании имеющихся методов обнаружения все возрастающего перечня препаратов, и на повышении надежности тестирования. Этой же областью ограничивается и сотрудничество с научно-исследовательскими учреждениями.

Комитет WADA по здоровью, медицине и исследованиям в последние годы сосредоточил свои усилия на совершенствовании системы обнаружения следующих пяти видов:

- средства, усиливающие насыщение крови кислородом (эритропоэтин, носители

кислорода на основе гемоглобина, трансфузии и т. д.);

- экзогенные и эндогенные анаболические стероиды;
- факторы, регулирующие и повышающие рост;
- генные технологии;
- разные проекты, связанные со списком запрещенных веществ.

Вне интересов WADA находятся важнейшие научные направления и темы, которые позволили бы обобщить огромный эмпирический материал, провести дополнительные исследования и на этой основе предложить для олимпийского спорта (с учетом специфики его видов, возрастных, половых и квалификационных особенностей спортсменов) эффективную систему применения эргогенных средств и методов.

В настоящее время в большинстве крупных научных центров во многих странах активно проводятся исследования средств и методов (включая фармакологические), которые позволяют повысить работоспособность спортсменов, стимулировать более эффективное протекание адапционных и восстановительных реакций, страховать наиболее нагружаемые органы, системы, звенья опорно-двигательного аппарата от перегрузок, переутомления, переадаптации, ускорять процессы реабилитации, избегать риска внезапной смерти. Однако это важное и благородное направление, в котором, конечно, как и в любом другом сложном деле, могут быть и негативные моменты, в силу сформировавшейся антидопинговой политики пребывает в атмосфере подозрительности, секретности, криминального налета.

Более того, концентрация научных интересов WADA исключительно на совершенствование системы обнаружения применения запрещенных веществ привела к тому, что, в отличие от прошлых лет, даже в наиболее авторитетных изданиях [32, 56] вопросы применения эргогенных средств фармакологического, гормонального и физиологического характера стали рассматриваться исключительно сквозь призму положений Антидопингового кодекса, а не с позиций научной обоснованности, интересов и прав спортсменов.

Нельзя также не отметить, что антидопинговая деятельность МОК и WADA привела к прекращению многих исследований, направленных на выявление эффективности использования лекарственных веществ в системе подготовки спортсменов. Ведущая в этой

области работа нередко приобретает закрытый характер, исследования часто связаны с использованием веществ «черного рынка», а внедрение полученных результатов осуществляется по коррупционным схемам, без должной научной аргументации и с недопустимой самодельностью со стороны спортсменов, врачей и тренеров. Факторов, подтверждающих эту точку зрения, более чем достаточно в современном спорте.

Ограничение научных исследований, отсутствие должной информации об эргогенных средствах, пренебрежение образовательной деятельностью привели к тому, что в спорте распространились средства не повышающие работоспособность, а отрицательно сказывающиеся на мышечной деятельности. Из очень длинного списка запрещенных средств лишь часть отличается эргогенным действием, остальные либо не эффективны, либо даже дают отрицательный эффект, т. е. являются эрголитическими веществами [32].

Проблемой допинга в спорте серьезно обеспокоены представители разных направлений науки. Во многих работах предлагаются различные рекомендации по совершенствованию методологии и организационно-управленческих основ антидопинговой деятельности [11, 40, 52, 54]. Серьезное внимание уделяется морально-этической, психологической, профилактической и образовательной сторонам проблемы, формированию соответствующих взглядов самих спортсменов, тренеров, врачей и других специалистов, привлеченных к подготовке атлетов [22, 24, 45, 53].

Не остались без внимания анализ санкций, которым подвергаются спортсмены и другие специалисты, связанные с их подготовкой [11, 39 и др.], нарушения их прав [25, 38, 59 и др.], а также и практика привлечения гражданских судов к разрешению конфликтов [20, 37, 40 и др.]. Подробно рассмотрено много частных вопросов, связанных с недопустимостью администрирования при формировании и коррекции Запрещенного списка [40], влиянием на здоровье атлетов запрещенных веществ и других факторов риска, характерных для современного спорта [13, 26, 59], и многие другие аспекты проблемы допинга в современном спорте.

Удивительно, что вся эта информация никоим образом не влияет на политику и практическую деятельность WADA, которая лишь бюрократизируется, но остается неизменной с момента учреждения этого Агентства.

ПИЩЕВЫЕ ДОБАВКИ

В последние годы система антидопингового контроля столкнулась с еще одной проблемой – интенсивным развитием индустрии пищевых добавок и внедрением их в практику подготовки спортсменов. Этикетки на добавках не всегда отражают их действительное содержание, бывают случаи несоответствия представленных данных реальному составу.

Индустрия пищевых добавок постоянно расширяется, а их количество, находящееся на рынке, исчисляется тысячами. Установить контроль за их содержанием и производством практически невозможно, в то время как исследования показывают, что в 20–25 % пищевых добавок содержатся вещества, внесенные в Запрещенный список. В добавках встречаются анаболические стероиды, эфедрин и другие запрещенные в спорте препараты.

Потребление пищевых добавок в олимпийском спорте достигло огромных размеров. Исследования, проведенные еще на Играх XXVII Олимпиады 2000 г. в Сиднее с участием 2758 спортсменов (более 25 % всех участников), показали, что различные пищевые добавки принимали 2167 спортсменов (78,6 %), 542 спортсмена (19,7 %) использовали по 6–7 средств, а один – 26 [21]. Нет никаких оснований полагать, что в последующие годы их потребление уменьшилось. Например, известные американские физиологи Л. Кенни, Д. Уилмор, Д. Костилл приводят данные, согласно которым 94 % университетских тренеров США рекомендуют своим спортсменам использовать пищевые добавки [32].

Решение этой проблемы WADA находит в традиционном для своей деятельности стиле. В официальном бюллетене организации отмечается: «WADA полагает, что спортсмены высшей категории могут и должны удовлетворять потребности изнурительного тренировочного режима посредством здорового сбалансированного питания. Не существует убедительных научных свидетельств того, что пищевые добавки приносят значительную пользу спортсменам высшей квалификации».

Понятно, что такое заявление могут сделать лишь люди, не имеющие элементарных представлений о реальном состоянии вопроса о пищевых добавках. Причина, видимо, в другом. Огромная по размерам индустрия пищевых добавок развивается в русле законодательства о продуктах питания, что существенно затрудняет процесс контроля за их составом. Фирмы–производители добавок при

их маркировании дают недостаточно полную информацию о компонентах, входящих в добавки. Естественно, WADA не в состоянии не только влиять на процесс изготовления пищевых добавок, но даже владеть информацией об их составе, поэтому всю ответственность за их применение возлагает на спортсмена.

Многие пищевые добавки могут положительно влиять на рост мастерства спортсменов, не оказывая при этом отрицательного воздействия на состояние их здоровья, отодвигать утомление, способствовать эффективному протеканию восстановительных и адаптационных процессов, обеспечивать профилактику перенапряжения функциональных систем и спортивного травматизма [17, 29, 32]. Не следует огульно объявлять все пищевые добавки неэффективными, как это делает WADA, надо стимулировать широкомасштабную работу по их изучению на предмет использования в спорте в интересах роста мастерства спортсменов и обеспечения их здоровья. Весьма существенная часть добавок может оказаться неэффективной и даже вредной для спортсмена, однако недобросовестная реклама способствует их продвижению на рынок, а отсутствие полноценных научных исследований и объективной информации часто приводит к использованию этих добавок спортсменами [33, 48].

АНТИДОПИНГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ФАРМАКОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Многолетняя антидопинговая деятельность МОК и WADA продемонстрировала крайнее несовершенство антидопинговых тестов, неспособность антидопинговых лабораторий конкурировать с фармакологической наукой и фармацевтической промышленностью, постоянно выбрасывающих на рынок новые вещества и технологии, недоступные для идентификации [39, 55]. Если проанализировать историю применения наиболее эффективных препаратов, то выяснится, что они в течение многих лет позволяли спортсменам повышать результативность еще до запрещения этих средств, а затем длительное время использовались безнаказанно после запрещения в связи с невозможностью достоверного доказательства их применения [13, 40]. И лишь после этого начинался период, когда появлялась реальная конкуренция между нарушителями и антидопинговыми службами в отношении уже

хорошо известных и подлежащих идентификации препаратов.

Крайне низкий научный потенциал антидопинговых лабораторий более чем наглядно демонстрируется ежегодными итогами их деятельности. Процент позитивных результатов, особенно при исследовании крови, ничтожен и явно не соответствует реальному распространению допинга [13, 44], а из общего количества так называемых результативных тестов большая часть – сомнительна. Например, из почти 210 тыс. тестов, сделанных всеми аккредитованными антидопинговыми лабораториями в 2013 г., менее 1 % дали позитивный результат и немногим более 1 % – сомнительный. Из 6689 проб крови допинг был выявлен лишь в одном (!) случае, а в 11 случаях результаты оказались сомнительными. Когда знакомимся с этими цифрами, возникает резонный вопрос: для чего вообще нужна деятельность WADA и многочисленных антидопинговых лабораторий, если она приводит к столь ничтожным и недостоверным результатам, явно не соответствующим реальному распространению субстанций, стимулирующих эффективность соревновательной и тренировочной деятельности в олимпийском спорте. Ведь существует множество серьезных публикаций, в которых показано, что в разных видах спорта от 5 до 75–80 % спортсменов, участвовавших в Олимпийских играх последних двух десятилетий, принимали разные препараты, повышающие эффективность тренировочной и соревновательной деятельности [13, 21, 57, 60 и др.].

Обобщение многочисленных разрозненных данных, отражающих применение запрещенных средств в спорте США, свидетельствуют о том, что анаболические стероиды в зависимости от специфики вида спорта применяют от 20 до 90 % спортсменов. Даже юные спортсмены, обучающиеся в средней школе, используют анаболические стероиды: 4–11 % – юноши, 3 % – девушки [32]. Изучение этой проблемы в спорте восточноевропейских стран показало, что, например, в гандболе и спортивной гимнастике запрещенные препараты применяет 20–30 % спортсменов, в легкой атлетике – более 70 %, а в тяжелой атлетике – более 90 % [11].

Бурное развитие фармакологической науки и фармацевтической промышленности делает бесперспективной нынешнюю деятельность WADA. Практически непреодолимой для него в течение ряда лет проблемой являются возможности современных молекулярных биотехнологий в отношении синтеза гор-

мональных препаратов, идентичных естественным аналогам, разработки допинговых веществ низкой молекулярной массы, фармацевтических продуктов для лечения серьезных болезней и профилактики старения, генных манипуляций. Как утверждают специалисты, да и подтверждает опыт многолетней деятельности антидопинговых служб, в большинстве случаев WADA обречено на 10–20-летнее отставание, особенно если учесть, что в спорт новые вещества нередко проникают еще до того, как они прошли клинические испытания. На неспособность антидопинговой системы конкурировать с разработчиками новых эргогенных веществ и методов многократно обращали внимание МОК и WADA специалисты разных стран, глубоко владеющие проблемой, а не рассматривающие ее односторонне или с меркантильных позиций. Например, Джон Лукас, видный американский специалист в сфере олимпийского спорта, работы которого отличаются комплексным подходом к проблемам во всей их совокупности и сложной взаимосвязи, много лет назад отмечал явную односторонность и ущербность антидопинговой политики МОК. В частности, в главе «Олимпийский допинговый кризис» книги «Будущее Олимпийских игр» [36] он писал: «Мы должны понимать, что нынешний допинг – это ничто по сравнению с тем, что в ближайшие десятилетия принесут для формирования эффективных атлетов современные биотехнологии, молекулярная биология, генетика». В настоящее время имеется множество случаев подтверждения этого прогноза.

Неспособность антидопинговых служб объективно выявлять применение допинга WADA заменяет откровенно противозаконной в юридическом отношении деятельностью, неприемлемыми способами выявления нарушителей, изначально представляющими спортсменов как преступников, которых можно подвергать унижительному преследованию и в личную жизнь которых можно бесцеремонно вмешиваться. Если к этому добавить закрытость и практически бесконтрольность и неподвластность антидопинговых служб, их склонность к провокациям, ловушкам, доносам, а также отсутствие гарантии утраты или подмены образцов, соблюдения режима их хранения, неадекватную реакцию на критику и другие подобные атрибуты деятельности WADA, становится понятным и постоянно нарастающее в мире сопротивление методам работы этого Агентства и сомнения в целесообразности его существования.

В бесперспективной гонке за достижениями фармакологической науки и фармацевтической промышленности WADA использует и абсолютно недопустимые методы. Например, открылось весьма специфическое направление в антидопинговой деятельности WADA – после того, как в многодневной велогонке «Тур де Франс» 2008 г. итальянский гонщик Рикардо Рикко был изобличен в применении новой версии эритропоэтина (САРА), использование которого практически не идентифицировалось антидопинговыми службами. По утверждению руководителя WADA Джона Фейхи, выявить применение допинга позволило новшество в антидопинговой политике, согласно которому Агентство начало активное сотрудничество с фармацевтическими фирмами на предмет маркировки запрещенных препаратов. В частности, производитель САРА – компания «Roche Pharmaceuticals» – по договору с WADA включил в состав препарата дополнительное химическое вещество, которое длительное время не выводится из организма, что позволило подтвердить применение допинга итальянским спортсменом. Эту практику, по утверждению Джона Фейхи, WADA планировала использовать и в дальнейшем.

На наш взгляд, такой подход является опаснейшим и противозаконным прецедентом, который приведет к тому, что огромное количество людей, страдающих тяжелейшими заболеваниями, вынуждены применять лекарственные средства с дополнительными трудновыводимыми из организма веществами непонятного фармакологического действия – и все ради облегчения деятельности WADA. Сегодня еще трудно предсказать правовые и морально-этические последствия подобных нововведений, но очевидно, что они не добавят авторитета Агентству, а послужат основой еще большей дискредитации его политики.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ДОПИНГА В СПОРТЕ

Приведенные материалы убедительно свидетельствуют о том, что такая организация, как WADA, и на основе такого документа, как Всемирный антидопинговый кодекс, не сумеет решить проблему применения допинга. Об этом, кстати, более чем убедительно свидетельствуют мнения экспертов, утверждающих, что использование допинга в спорте постоянно возрастает, а активность WADA и постоянные допинговые скандалы служат мощным средством косвенной рекламы, демонстрирующей,

что без допинга невозможно добиться высоких спортивных результатов, стимулируют разработку все более сложных, дорогостоящих и опасных для здоровья препаратов и средств сокрытия их использования.

Поэтому, если ставить задачу – реально бороться с допингом в олимпийском спорте, а не укреплять WADA и поддерживать изначально ущербный Всемирный антидопинговый кодекс, – необходимо идти принципиально иными путями, чем тот, по которому ведут олимпийское движение WADA и солидарные с его политикой представители различных международных организаций.

В настоящее время сделать это намного сложнее, чем на рубеже столетий, когда после серьезного допингового скандала на велогонке «Тур де Франс» 1998 г. Хуан Антонио Самаранч призвал к изменению антидопинговой политики в олимпийском спорте. И если бы тогда борьба с допингом пошла по предложенному им пути, основанному на объективных реалиях спорта и необходимости научного подхода к проблеме, без ее излишней драматизации, то ситуация с допингом в олимпийском спорте, несомненно, была бы иной.

Еще более значительные результаты и совсем иную, неизмеримо более здоровую атмосферу в олимпийском спорте мы имели бы в случае, если бы МОК был склонен серьезно реагировать на позиции ученых, которые еще 20–30 лет назад давали обоснованные рекомендации по профилактике применения допинга в спорте и борьбе с использованием допинга. Но МОК предпочел идти путем примитивного администрирования, что усугубило проблему в 1990-х годах. Действительный кризис, который может привести не только к дискредитации Олимпийских игр, но и к развалу олимпийского движения, начался с создания WADA и изоляции от борьбы с допингом авторитетов в области спортивной и медицинской науки и возложения обязанностей по решению проблемы на «эффективных менеджеров» [47]. Недопустимость такого положения находит убедительное подтверждение в трудах многих авторитетных специалистов, серьезно озабоченных критической ситуацией, сложившейся в олимпийском спорте в связи с методологией и практической деятельностью WADA в борьбе с допингом [4, 27, 28, 31, 40, 49].

Необходимо осознать, что если в 1980-х–1990-х годах одной из ряда проблем олимпийского спорта была проблема допинга, то в настоящее время, после многолетней деятельности WADA, эта проблема стала основной,

наиболее острой и не приблизилась, а существенно отдалась от своего решения.

Неожиданно в олимпийском спорте возникла новая, не менее острая проблема: наличие WADA – организации, сумевшей практически выйти из под контроля международной олимпийской системы, стать над олимпийским спортом, над спортсменами, тренерами, учеными. Политическими лозунгами, манипуляциями и маневрированием Агентство сумело получить поддержку авторитетных международных организаций, правительств разных стран, политических лидеров, не вникавших в сущность рекомендуемых подходов и методов борьбы с допингом, а увлеченных общей благородной идеей – искоренением одного из проявлений мошенничества в спорте (тем более, опасного для здоровья спортсменов).

Однако WADA очень своеобразно воспользовалось этой поддержкой и оказанным доверием и создало вокруг проблемы допинга атмосферу субъективизма, волюнтаризма и хаоса, став тем самым удобным инструментом для разного рода политических и прочих манипуляций на материале и за счет олимпийского спорта.

Специфика спорта и его нацеленность на демонстрацию наивысших результатов, на победу, на рекорд, на подавление соперников, на предельную мобилизацию физического потенциала стимулирует спортсменов, тренеров, врачей, менеджеров на поиск и использование всех возможных средств для достижения искомого результата. Среди этих средств находится место и допингу, и насилию, и жульничеству.

Исключительная политизация и коммерциализация олимпийского спорта не только провоцируют спортсменов, врачей и тренеров на применение запрещенных веществ, но нередко проявляются и в политике двойных стандартов на уровне национальных олимпийских комитетов, национальных и международных спортивных федераций, правительственных организаций разных стран, ответственных за спорт.

Поэтому ответственность за применение допинга, как и за другие негативные явления в спорте, должны нести не только спортсмены, но и МОК, МСФ и виды спорта в целом, НОК и страны. В этом плане политика МОК и WADA, несомненно, является правильной: вовлечение в борьбу с допингом не только спортивных структур, но и авторитетных международных организаций (ООН, Совет Европы, ЮНЕСКО и др.) и правительств стран-участниц олим-

пийского движения. Однако эта деятельность и ее координация окажутся успешными лишь в том случае, если сама методология подхода к проблеме применения допинга, а также ее организационные основы будут кардинально пересмотрены.

Необходимо довести до общественного сознания понимание того, что, во-первых, определение понятия «допинг», антидопинговые правила, список запрещенных веществ и методов находятся в вопиющем противоречии с достижениями науки, медицины, спортивной практики, а, во-вторых, практическая деятельность WADA грубо попирает положения Декларации ООН по правам человека и общепринятые юридические нормы, основывается на методах, недопустимых ни в одной из сфер человеческой деятельности.

Сегодня стало очевидным, что МОК и ЮНЕСКО, обоснованно стремившиеся к искоренению применения допинга в спорте, привлечению к борьбе с ним государственных органов стран-участниц олимпийского движения, совершили три принципиальные ошибки. Во-первых, они доверили борьбу с допингом частной коммерческой организации, со временем ставшей абсолютно неподконтрольной. Во-вторых, не подвергли анализу и контролю систему кадрового обеспечения WADA и аккредитованного агентства лабораторий, что привело к засилию в этих организациях специалистов разного профиля, далеких от понимания проблем спорта и спортивной медицины. И, в-третьих, позволили принять крайне несовершенный Всемирный антидопинговый кодекс, ориентированный не на объективное решение проблемы допинга в спорте, а на удовлетворение политических и коммерческих интересов WADA и аккредитованных им лабораторий. Это, в конечном счете, привело к тому плачевному положению, которое сложилось в олимпийском спорте при подготовке и проведении Игр Олимпиады 2016 г. в Рио-де-Жанейро. Вместо борьбы с допингом в мировом спорте Агентство, под давлением разного рода внешних сил, стало реализовывать собственную дискриминационную политику в отношении спортсменов и спорта отдельных стран, способную нанести по олимпийскому спорту удар огромной разрушительной силы.

На самой последней стадии, за две недели до начала Игр, президент МОК и члены исполкома резко отклонили требования WADA, продемонстрировав этим решением неудовлетворительную и разрушительную для олимпийского спорта деятельность этого Агентства.

Однако реакция руководства WADA оказалась парадоксальной. Видимо уверовав в свою исключительность, непогрешимость и вседозволенность, нынешний руководитель WADA Риди Крейг и бывший руководитель Ричард Паунд, взгляды и настойчивость которого и привели WADA к нынешнему плачевному состоянию, и даже руководители национальных антидопинговых агентств, призванных заниматься проблемой допинга исключительно в своих странах, вместо признания своих грубейших ошибок и демонстрации желания перевести деятельность антидопинговой системы в позитивное русло, обрушились на МОК с резкой критикой. Они, видимо, забыли, что членами исполкома МОК являются выдающиеся представители мирового спорта, всемирно признанные специалисты в этой сфере, МОК является учредителем WADA, обеспечивает финансирование его деятельности и, естественно, имеет все основания для понимания и неукоснительного выполнения принятых решений. Уже одной этой реакции более чем достаточно для кардинальной реорганизации системы борьбы с допингом в олимпийском спорте.

Казалось бы абсолютно неожиданно международная олимпийская система столкнулась с множеством проблем и противоречий, возникших как в самом МОК, МСФ и НОК, так в окружающей его среде – у государственных и политических деятелей разных стран, спонсоров, представителей средств массовой информации, широких слоев мировой общественности. Можно смело утверждать, что олимпийский спорт вошел в тяжелый кризис, сопоставимый с тем, который сложился в 1980-х годах и выразившийся в массовых бойкотах Игр Олимпиад в Москве (1980 г.) и Лос-Анджелесе (1984 г.), а преодолеть который удалось лишь на Играх Олимпиады 1988 г. в Сеуле, во многом благодаря исключительно профессиональной и неутомимой деятельности выдающегося деятеля международного движения, президента МОК Х. А. Самаранча.

Если МОК в ближайшем будущем не примет радикальных мер по реорганизации системы борьбы с допингом и сведением роли аккредитованных WADA лабораторий исключительно к техническим функциям, передав все остальные права и обязанности МОК и МСФ, то олимпийский спорт, который усилиями огромного количества выдающихся людей из разных стран был превращен в глобальное позитивное явление, понесет невозвратимые потери. Путь к преодолению нынешнего кризиса также будет непростым и долгим. И хотелось

бы надеяться, что МОК и другие представители международной олимпийской системы смогут пройти его достойно и профессионально.

Кратко обозначим направления, работа в которых могла бы нормализовать ситуацию с применением допинга, снять противоречия в этом вопросе между представителями разных структур международной олимпийской системы.

- Реализация широких образовательных программ среди всех участников олимпийского движения, начиная с детских спортивных школ и спортивных клубов и заканчивая МОК и национальными олимпийскими комитетами, международными и национальными спортивными федерациями, государственными органами управления спортом.

- Кардинальная переработка Всемирного антидопингового кодекса на основе методологии, опирающейся на достижения передовой спортивной и медицинской науки, на общепринятую международную правовую базу; осознание того, что антидопинговая деятельность является одним из многочисленных элементов деятельности в сфере спорта, а не надстройкой над спортом.

- Перемещение борьбы с допингом в одно из направлений спортивной медицины и медицинского обслуживания спортсменов; применение лекарственных веществ в соответствии с требованиями узаконенной медицинской практики, исключив эмоциональные и субъективные критерии.

- Изменение положения WADA и антидопинговых лабораторий путем устранения их прав как независимых учреждений, стоящих над спортом, и перемещения этих организаций в качестве технических подразделений международной олимпийской системы с методологическим руководством Медицинской комиссией МОК с решающей ролью экспертов спортивной медицины и спорта высших достижений.

- Проведение широкомасштабных научных исследований по разработке системы разрешенных к применению эргогенных средств и методов, по минимизации количества запрещенных, по определению четкой грани между разрешенными и запрещенными средствами с учетом специфики разных видов спорта – с участием специалистов в области организации и управления спортом, теории и методики подготовки спортсменов, медицины, фармакологии, юриспруденции и других.

- Предоставление спортсменам возможности использовать все достижения современной медицины, не мешая и не ограничивая их в применении в лечебных целях наиболее эффективных лекарственных средств; приведение прав спортсменов в полное соответствие с теми, которыми пользуются представители экстремальных профессий.

- Предоставление врачам возможности использовать при медицинском обслуживании спортсменов (включая профилактическое) весь арсенал легальных лекарственных препаратов по научно обоснованным и рекомендованным медицинской наукой схемам.

- Создание альтернативных лабораторий и центров антидопингового контроля, применяющих разную методологию решения проблемы допинга в спорте.

- Предоставление МСФ возможности привлекать к обслуживанию соревнований и видов спорта те антидопинговые лаборатории и центры, деятельность которых в наибольшей мере отвечает специфике данного вида спорта, требованиям федераций и др.

- Выдвижение на руководящие должности во всей антидопинговой системе специалистов в области спортивной медицины, глубоко знающих специфику современного спорта и системы подготовки спортсменов. Что же касается «эффективных управленцев-менеджеров», то их роль должна сводиться к реализации политики, принятой специалистами спорта и спортивной медицины.

- Демократизация борьбы с допингом со стороны МОК – поддержка альтернативных подходов к борьбе с допингом, содействие деятельности антидопинговых лабораторий, придерживающихся разных подходов в деле борьбы с допингом, перемещение акцента в борьбе с допингом в сферу деятельности федераций и др.

Изложенные нами критические замечания ни в коей мере не ставят под сомнение необходимость постоянной борьбы с допингом, их цель – только обозначить пути выхода из того тупика, в который загнано решение этой проблемы современной практикой WADA и действующими нормативно-правовыми документами в данной сфере. И сделать это не только в интересах олимпийского движения и олимпийского спорта, в интересах рациональной подготовки и охраны здоровья спортсменов, но и для сохранения и плодотворного развития самой

антидопинговой системы, ее действенности и авторитета.

Приведенные предложения по совершенствованию системы борьбы с допингом, хотя и имеют принципиальный характер, но сделаны в русле традиционных подходов к проблеме. Однако в настоящее время вносятся и предложения, связанные с кардинальным изменением самого подхода к проблеме. В частности, в отношении борьбы с допингом в среде специалистов укрепляется точка зрения, согласно которой проблема допинга в спорте должна решаться с учетом изучения и внедрения биотехнологий, направленных на совершенствование человека, его модификацию с целью противодействия негативным факторам окружающей среды, повышения устойчивости к стрессам и заболеваниям, рискам, связанным с образом жизни и др. [30, 42]. Современная биология постоянно поставляет технологические новинки, расширяющие возможности человека, которые быстро распространяются не только в спортивной среде, но и среди широких слоев населения, стремящихся к их использованию для повышения жизнестойкости и расширения своих возможностей. В этой связи возникает вполне естественный вопрос: почему атлет не может использовать вещества для улучшения своих возможностей, если то же делают все остальные члены общества? [8].

Специалисты отмечают, что как спорт высших достижений, так и биотехнологии объединены общей ценностью – стремлением к совершенству. При изучении и внедрении биотехнологий, направленных на совершенствование человека, нужно учитывать весь спектр возможных позитивных и негативных последствий социального, морально-этического и здравоохранительного плана. И вполне логично рассматривать в этом русле проблемы разрешенного и запрещенного в спорте, особенно если учесть тот огромный интеллектуальный и финансовый потенциал, которым располагают организации, работающие в этой области. Логичным в этой связи представляется и возникновение вопроса о целесообразности существования такой организации как WADA [8]. Точка зрения – радикальная, однако вполне объяснимая, так как раскрывает возможности и для прогресса спорта, и для борьбы с допингом с точки зрения перспективных направлений развития науки о возможностях человека.

В этой связи следует отметить еще один момент. Сторонники борьбы с допингом в качестве одного из основных аргументов приво-

дят тот, согласно которому огромная аудитория зрителей и любителей спорта подвергается обману людьми, принимающими допинг. Однако многочисленные опросы зрителей и болельщиков в сфере как олимпийского, так и профессионального спорта свидетельствуют о том, что большинство из них хотят видеть яркое зрелище, рекорды, острейшую борьбу, сенсационные победы, и им глубоко безразлично, за счет каких факторов достигнут успех – эффективной подготовки, природного таланта, допинга, питания или снаряжения. Более того, их неизмеримо меньше возмущает факт применения спортсменами допинга, чем факт дисквалификации и низвержения их кумиров. Трудно утверждать, к чему может привести такое объединение, особенно если учесть, что применительно к современному спорту существует две прямо противоположные позиции. Сторонники одной из них полагают, что остановить внедрение технологий, способных повысить спортивные результаты, сделать спортивное зрелище более ярким и захватывающим, практически невозможно, и следует легализовать развитие этого направления. Оппоненты, напротив, утверждают, что современные биотехнологии противоречат духу спорта, нарушают принцип «честной игры», заменяют природные задатки человека искусственными. Каждая из этих точек зрения имеет право на жизнь уже только потому, что в числе их сторонников находится большое количество авторитетных специалистов и множество любителей спорта. Однако изучать проблему, находить компромиссные решения, несомненно, следует, объединяя усилия специалистов в области спорта и борьбы с допингом с усилиями специалистов в сфере биотехнологий, спорта высших достижений и спортивной медицины. Изоляция процесса борьбы с допингом как от проблем спорта высших достижений, так и от достижений биотехнологии и огульный запрет всего, что может способствовать достижениям в спорте, – путь тупиковый.

Вся история олимпийского движения, его авторитет и притягательность для мирового сообщества связаны с морально-этическими ценностями, сконцентрированными в идеалах олимпизма, в том числе в таких понятиях, как честная игра, единство человеческого духа, тела и разума и др. Поэтому, когда речь идет о таких ценностях, то и развиваться они могут только на основе системы воспитания и образования гуманистической направленности, что относится ко всем проблемам олимпийского спорта, в том числе к борьбе с допингом. Не-

возможно привить эти ценности (а именно приверженность им декларируется во Всемирном антидопинговом кодексе) путем всеобщего недоверия, тотального контроля, угроз, санкций, нарушения прав человека, попрания интересов спортсменов, в том числе связанных с охраной их здоровья.

Необходимы широкие образовательные и воспитательные программы, пронизанные уважением к личности спортсмена, к его правам, взглядам, этическим принципам, моральным ценностям. Именно такой подход будет соответствовать философии олимпизма и принципам честной игры. И именно за та-

кой подход ратовал основатель современного олимпийского движения Пьер де Кубертен. На это ориентировал и не менее выдающийся лидер международного олимпийского движения Хуан Антонио Самаранч перед уходом с поста президента МОК, на котором он пребывал более 20 лет.

■ Литература

1. Белоног Ю. Кто платит – тот и диктует / Ю. Белоног // Киевский телеграф. – 30 июля 2003.
2. В MLB ужесточили борьбу с допингом (2005). http://www.rol.ru/news/sport/news/05/11/15_211.htm.
3. Горчакова Н. А. Фармакология спорта / Н. А. Горчакова, Я. С. Гудивок, Л. М. Гунина [и др.]; под общ. ред. С. А. Олейника, Л. М. Гуниной, Р. Д. Сейфуллы. – К.: Олимп. лит., 2010. – 639 с.
4. Гунина Л. Анаболические агенты в спорте: механизм допингового действия и побочные эффекты / Л. Гунина // Наука в олимп. спорте. – 2015. – № 4. – С. 39–48.
5. Джусойти А. Честная игра / А. Джусойти // Коммерсант. – 2008. – № 83.
6. Кручинский Н. Допинг-контроль в спорте: обзор последних событий / Н. Кручинский // Наука в олимп. спорте. – 2014. – № 4. – С. 42–50.
7. Ледашин Д. Медаль с эфедрином / Д. Ледашин, А. Харитонов, В. Хрущев // Совершенно секретно. – 2003. – № 10. – С. 30–31.
8. Миа Э. Основы Олимпизма: пер. с англ. / Э. Миа, Б. Гарсиа. – М.: Рид Медиа, 2013. – 192 с.
9. НХЛ ужесточит борьбу с допингом (2009). <http://www.newsru.com/sport/31may2009/garri.html>.
10. Платонов В. Н. Допинг в олимпийском спорте: история, состояние, перспективы / В. Н. Платонов // Допинг и эргогенные средства в спорте / под. общ. ред. В. Н. Платонова. – К.: Олимп. лит., 2003. – С. 9–49.
11. Платонов В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте: общая теория и ее практические приложения / В. Н. Платонов. – К.: Олимп. лит., 2004. – 808 с.
12. Платонов В. Н. Олимпийский спорт : в 2 т. / В. Н. Платонов. – Т. 2. – К., 2009. – 696 с.
13. Платонов В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения : учебник [для тренеров] : в 2 кн. / В. Н. Платонов. – К.: Олимп. лит., 2015. — Кн. 2. — 2015. — 752 с.
14. Редько А. Ю. Медицинское законодательство Украины с позиции защиты прав врача акушера-гинеколога: основы профессиональной ответственности врача / А. Ю. Редько, С. Н. Бакшеев. – Ч. 1. – 2006. – Режим доступа: http://critical.onego.ru/actual/ etica/ ukraine_medlow.htm.
15. Салтинские репрессии // Известия. — 2003 — 21 янв.
16. Скородумова А. П. Специфика соревновательных нагрузок высококвалифицированных теннисистов / А. П. Скородумова, А. А. Кузнецов // Вест. спорт. науки. – 2013. – № 6. – С. 19–22.
17. Antonio J. Supplements for endurance athletes / J. Antonio, J. R. Stout. — Champaign, Illinois: Human Kinetics, 2003. — 154 p.
18. Backhouse S. H. Doping in sport: a review of medical practitioners' knowledge, attitudes and beliefs / S. H. Backhouse, J. McKenna // Int J Drug Policy. – 2011 – May; 22 (3). – P. 198–202. doi: 10.1016/j.drugpo.2011.03.002.
19. Berry D. A. The science of doping / D. A. Berry // Nature. – 2008. – 454.7205. – P. 692–693.
20. Coleman J. E. The burden of proof in endogenous substance cases: A masking agent for junk science / J. E. Coleman, J. M. Levine // Doping and anti-doping policy in sport / ed. by M. McNamee, V. Moller. – London: Routledge, 2011. – P. 27–49.
21. Corrigan B. Mission Statement / B. Corrigan, R. Kaslauskas. – International Olympic Committee (IOC). – Режим доступа: <http://www.sportsdrugs.com/aps/ss/aboutus.asp>.
22. Donahue E. G. A motivational model of performance-enhancing substance use in elite athletes / E. G. Donahue, P. Miquelon, P. Valois [et al.] // J. of Sport and Exercise Psychology. – 2006. – Vol. 28. – P. 511–520.
23. Doping – Medical Commission Olympic Committee. Lausanne, 1972. – P. 33.

■ References

1. Belonog Yu. Who pays, dictates / Yu. Belonog // Kievskii Telegraf. – July 30, 2003.
2. MLB tightened up fight against doping (2005). http://www.rol.ru/news/sport/news/05/11/15_211.htm.
3. Gorchakova N. A. Pharmacology of sport / N. A. Gorchakova, Ya. S. Gudivok, L. M. Gunina [et al.]; ed. by S. A. Oleinik, L. M. Gunina, R. D. Seifulla. – Kiev: Olympic literature, 2010. – 639 p.
4. Gunina L. Anabolic agents in sport: stimulating mechanisms of action and side effects / L. Gunina // Science in Olympic Sport. – 2015. – N 4. – P. 39–48.
5. Jusoiy A. Fair play / A. Jusoiy // Kommersant. – 2008. – N 83.
6. Kruchinskiy N. Doping control in sport: an overview of recent events / N. Kruchinskiy // Sci. in Olympic Sport. – 2014. – N 4. – P. 42–50.
7. Ledashin D. Medal with ephedrine / D. Ledashin, A. Kharitonova, V. Khrushchev // Sovershenno sekretno. – 2003. – N 10. – P. 30–31.
8. Miah A. The basics of the Olympics: transl. from English / A. Miah, B. Garcia. – Moscow: Rid Media, 2013. – 192 p.
9. NHL toughens fight against doping (2009). <http://www.newsru.com/sport/31may2009/garri.html>.
10. Platonov V. N. Doping in the Olympic sport: history, status, prospects / V. N. Platonov // Doping and ergogenic aids in sports / ed. by V. N. Platonov. – Kiev: Olympic literature, 2003. – P. 9–49.
11. Platonov V. N. The system for preparing athletes in the Olympic sport: general theory and its practical applications / V.N. Platonov. – Kyiv: Olympic literature, 2004. – 808 p.
12. Platonov V. N. Olympic sport: in 2 vols / V. N. Platonov. – Vol. 2. – Kiev, 2009. – 696 p.
13. Platonov V. N. The system for preparing athletes in the Olympic sport. General theory and its practical applications : textbook [for coaches] : in 2 vols. / V. N. Platonov. – Kyiv: Olympic literature, 2015. – Vol. 2. – 2015. – 752 p.
14. Redko A. Yu. Medical legislation of Ukraine from the perspective of the protection of the rights of the gynecologist: Foundations of professional responsibility of the physician / A. Yu. Redko, S. N. Baksheev. – Part 1. – 2006. – Access mode: http://critical.onego.ru/actual/ etica/ ukraine_medlow.htm.
15. Saltin's repressions // Izvestia. – 2003 – 21 Jan.
16. Skorodumova A. P. The specifics of competitive loads of highly qualified tennis players / A. P. Skorodumova, A. A. Kuznetsov // Sports science bulletin. – 2013. – N 6. – P. 19–22.
17. Antonio J. Supplements for endurance athletes / J. Antonio, J. R. Stout. — Champaign, Illinois: Human Kinetics, 2003. — 154 p.
18. Backhouse S. H. Doping in sport: a review of medical practitioners' knowledge, attitudes and beliefs / S. H. Backhouse, J. McKenna // Int J Drug Policy. – 2011 – May; 22 (3). – P. 198–202. doi: 10.1016/j.drugpo.2011.03.002.
19. Berry D. A. The science of doping / D. A. Berry // Nature. – 2008. – 454.7205. – P. 692–693.
20. Coleman J. E. The burden of proof in endogenous substance cases: A masking agent for junk science / J. E. Coleman, J. M. Levine // Doping and anti-doping policy in sport / ed. by M. McNamee, V. Moller. – London: Routledge, 2011. – P. 27–49.
21. Corrigan B. Mission Statement / B. Corrigan, R. Kaslauskas. – International Olympic Committee (IOC). – Режим доступа: <http://www.sportsdrugs.com/aps/ss/aboutus.asp>.
22. Donahue E. G. A motivational model of performance-enhancing substance use in elite athletes / E. G. Donahue, P. Miquelon, P. Valois [et al.] // J. of Sport and Exercise Psychology. – 2006. – Vol. 28. – P. 511–520.
23. Doping – Medical Commission Olympic Committee. Lausanne, 1972. – P. 33.

24. Gucciardi D. F. An examination of the Sport Drug Control Model with elite Australian athletes / D. F. Gucciardi, G. Jalleh, R. J. Donovan // *J. of Sci. and Medicine in Sport*. — 2011. doi: 10.1016/j.jsams.2011.03.009.
25. Hanstad D. V. Elite athletes' duty to provide information on their whereabouts: justifiable anti-doping work or an indefensible surveillance regime? / D. V. Hantstand, S. Loland / *Europ. J. Sport Sci.* — 2009. — Vol. 9 (1). — P. 3–10.
26. Harmer P. A. (2010). Anabolic-androgenic steroid use among young male and female athletes: Is the game to blame? / P. A. Harmer // *British J. of Sports Medicine*. — 2010. — Vol. 44. — P. 26–31.
27. Hartgens F. Medication, athletes and doping regulations / F. Hartgens // *Ned Tijdschr Geneesk.* — 2008. — Vol. 152, N 33. — P. 1844–1848. [Article in Dutch]
28. Harvey K. Sports science and medicine: ethics / K. Harvey // *Background Paper*. — 13 May 2014.
29. Jeffreys I. Supplements for strength-power athletes / I. Jeffreys. — New York: Human Kinetics, 2002. — 166 p.
30. Kayser B. Exercise starts and ends in the brain / B. Kayser // *Europ. J. of Applied Physiology*. — 2003. — Vol. 90. — P. 411–419.
31. Kayser B. Current anti-doping policy: a critical appraisal / B. Kayser, A. Mauron, A. Miah // *BMC Med. Ethics*. — 2007. — Vol. 8. — P. 2.
32. Kenney L. W. Physiology of Sport and Exercise / L. W. Kenney, J. H. Wilmore, D. L. Costill. — Champaign: Human Kinetics, 2012. — 621 p.
33. Kleiner S. M. Power Eating / S. M. Kleiner. — N. Y.: Human Kinetics, 2003. — 154 p.
34. Koller D. L. From Medals to Morality : Sportive Nationalism and the Problem of Doping in Sports / D. L. Koller // *Marquette Sports Law Rev.* — 2008. — Vol. 19, N. 1. — P. 92–123.
35. Layden T. Playing Favorites an ex-UCOS official some athletes were allowed to bend the drug rules / T. Layden, D. Yaeger. http://sportsillustrate.crm.com/si_online/scorecard/news/2003/04/15sc/.
36. Lukas J. A. Future of the Olympic Games / J. A. Lucas. — Champaign: Human Kinetics, 1992. — 231 p.
37. Maeschalck J. Dispute resolution in high performance sport and how it influences elite athletes' careers / J. Maeschalck // *Managing high performance sport* / ed. by P. Sotiriadou, V. De Bosscher. — New York: Routledge, 2013. — P. 285–288.
38. Malloy D. C. Ethics of drug testing in sport—An invasion of privacy justified? / D. C. Malloy, D. H. Zakus // *Sport, Education and Society*. — 2002. — Vol. 7 (2). — P. 203–218.
39. Mazanov J. Rethinking the management of drugs in sport / J. Mazanov, J. Connor // *Int. J. of Sport Policy and Politics*. — 2010. — Vol. 2, N 1. — P. 49–63. doi: 10.1080/19406941003634032
40. Mazanov J. Vale WADA, ave «World Sports Drug Agency» / J. Mazanov // *Performance Enhancement and Health*. — 2013. — Vol. 2, N 2. — P. 80–83. doi: 10.1016/j.peh.2013.08.014
41. McNamee M. J. Confidentiality, disclosure and doping in sports medicine / M. J. McNamee, N. C. Phillips // *British J sports med.* — 2011. — Vol. 45. — P. 174–177.
42. Miach A. Genetically modified athletes. Biomedical ethics, gene doping and sport / A. Miach. — Padstow, 2004. — 473 p.
43. Miller G. Behind the Olympic Ring / G. Miller. — Lynn, Massachusetts: H. O. Zimman, 2004. — P. 97–107.
44. Mottram D. R. A historical perspective of doping and anti-doping in sport / D. R. Mottram // *Drugs in Sport*. — 2011. — P. 21.
45. Petroczi A. Psychological drivers of doping: The life-cycle model of performance enhancement / A. Petroczi, E. Aidman // *Substances Abuse Treatment, Prevention and Policy*. — 2008. — Vol. 3(7).
46. Pound R. The Commercialization of Sport: Dilemma or Deliverance? / R. Pound // *Proc. Olympic Congress of Centenary*. — 1994. — P. 9–11.
47. Pound R. Inside Olympic / R. Pound. — Toronto: Jon Willey, 2004. — 270 p.
48. Rosenblum C. A. Sport Nutrition / ed. by C. A. Rosenblum. — The American Dietetic Association, 1999. — 760 p.
49. Savulescu J. Should athletes be allowed to use performance enhancing drugs? / J. Savulescu, L. Creaney, A. Vondy // *Brit. Med. J.* — 2013. — Vol. 347. — P. f6150. doi: <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.f6150>
50. Sigman S. M. Are We All Dopes? A Behavior Law & Economics Approach to Legal Regulation of Doping in Sports / S. M. Sigman // *Marquette Sports Law Rev.* — 2008. — Vol. 19, N 1. — P. 126–208.
51. Smith A. C. T. Drug policy in sport: Hidden assumptions and inherent contradictions // A. C. T. Smith, B. Stewart // *Drug and Alcohol Review*. — 2008. — Vol. 27. — P. 123–129.
24. Gucciardi D. F. An examination of the Sport Drug Control Model with elite Australian athletes / D. F. Gucciardi, G. Jalleh, R. J. Donovan // *J. of Sci. and Medicine in Sport*. — 2011. doi: 10.1016/j.jsams.2011.03.009.
25. Hanstad D. V. Elite athletes' duty to provide information on their whereabouts: justifiable anti-doping work or an indefensible surveillance regime? / D. V. Hantstand, S. Loland / *Europ. J. Sport Sci.* — 2009. — Vol. 9 (1). — P. 3–10.
26. Harmer P. A. (2010). Anabolic-androgenic steroid use among young male and female athletes: Is the game to blame? / P. A. Harmer // *British J. of Sports Medicine*. — 2010. — Vol. 44. — P. 26–31.
27. Hartgens F. Medication, athletes and doping regulations / F. Hartgens // *Ned Tijdschr Geneesk.* — 2008. — Vol. 152, N 33. — P. 1844–1848. [Article in Dutch]
28. Harvey K. Sports science and medicine: ethics / K. Harvey // *Background Paper*. — 13 May 2014.
29. Jeffreys I. Supplements for strength-power athletes / I. Jeffreys. — New York: Human Kinetics, 2002. — 166 p.
30. Kayser B. Exercise starts and ends in the brain / B. Kayser // *Europ. J. of Applied Physiology*. — 2003. — Vol. 90. — P. 411–419.
31. Kayser B. Current anti-doping policy: a critical appraisal / B. Kayser, A. Mauron, A. Miah // *BMC Med. Ethics*. — 2007. — Vol. 8. — P. 2.
32. Kenney L. W. Physiology of Sport and Exercise / L. W. Kenney, J. H. Wilmore, D. L. Costill. — Champaign: Human Kinetics, 2012. — 621 p.
33. Kleiner S. M. Power Eating / S. M. Kleiner. — N. Y.: Human Kinetics, 2003. — 154 p.
34. Koller D. L. From Medals to Morality : Sportive Nationalism and the Problem of Doping in Sports / D. L. Koller // *Marquette Sports Law Rev.* — 2008. — Vol. 19, N. 1. — P. 92–123.
35. Layden T. Playing Favorites an ex-UCOS official some athletes were allowed to bend the drug rules / T. Layden, D. Yaeger. http://sportsillustrate.crm.com/si_online/scorecard/news/2003/04/15sc/.
36. Lukas J. A. Future of the Olympic Games / J. A. Lucas. — Champaign: Human Kinetics, 1992. — 231 p.
37. Maeschalck J. Dispute resolution in high performance sport and how it influences elite athletes' careers / J. Maeschalck // *Managing high performance sport* / ed. by P. Sotiriadou, V. De Bosscher. — New York: Routledge, 2013. — P. 285–288.
38. Malloy D. C. Ethics of drug testing in sport—An invasion of privacy justified? / D. C. Malloy, D. H. Zakus // *Sport, Education and Society*. — 2002. — Vol. 7 (2). — P. 203–218.
39. Mazanov J. Rethinking the management of drugs in sport / J. Mazanov, J. Connor // *Int. J. of Sport Policy and Politics*. — 2010. — Vol. 2, N 1. — P. 49–63. doi: 10.1080/19406941003634032
40. Mazanov J. Vale WADA, ave «World Sports Drug Agency» / J. Mazanov // *Performance Enhancement and Health*. — 2013. — Vol. 2, N 2. — P. 80–83. doi: 10.1016/j.peh.2013.08.014
41. McNamee M. J. Confidentiality, disclosure and doping in sports medicine / M. J. McNamee, N. C. Phillips // *British J sports med.* — 2011. — Vol. 45. — P. 174–177.
42. Miach A. Genetically modified athletes. Biomedical ethics, gene doping and sport / A. Miach. — Padstow, 2004. — 473 p.
43. Miller G. Behind the Olympic Ring / G. Miller. — Lynn, Massachusetts: H. O. Zimman, 2004. — P. 97–107.
44. Mottram D. R. A historical perspective of doping and anti-doping in sport / D. R. Mottram // *Drugs in Sport*. — 2011. — P. 21.
45. Petroczi A. Psychological drivers of doping: The life-cycle model of performance enhancement / A. Petroczi, E. Aidman // *Substances Abuse Treatment, Prevention and Policy*. — 2008. — Vol. 3(7).
46. Pound R. The Commercialization of Sport: Dilemma or Deliverance? / R. Pound // *Proc. Olympic Congress of Centenary*. — 1994. — P. 9–11.
47. Pound R. Inside Olympic / R. Pound. — Toronto: Jon Willey, 2004. — 270 p.
48. Rosenblum C. A. Sport Nutrition / ed. by C. A. Rosenblum. — The American Dietetic Association, 1999. — 760 p.
49. Savulescu J. Should athletes be allowed to use performance enhancing drugs? / J. Savulescu, L. Creaney, A. Vondy // *Brit. Med. J.* — 2013. — Vol. 347. — P. f6150. doi: <http://dx.doi.org/10.1136/bmj.f6150>
50. Sigman S. M. Are We All Dopes? A Behavior Law & Economics Approach to Legal Regulation of Doping in Sports / S. M. Sigman // *Marquette Sports Law Rev.* — 2008. — Vol. 19, N 1. — P. 126–208.
51. Smith A. C. T. Drug policy in sport: Hidden assumptions and inherent contradictions // A. C. T. Smith, B. Stewart // *Drug and Alcohol Review*. — 2008. — Vol. 27. — P. 123–129.

52. Stewart B. Drug use in sport: Implications for public policy / B. Stewart, A. C. T. Smith // *J. of Sport and Social Issues*. — 2008. — Vol. 32 (3). — P. 278–298.
53. Strelan P. A new model for understanding performance-enhancing drug use by elite athletes / P. Strelan, R. J. Boeckmann. — *Journal of Applied Sport Psychology*. — 2003. — Vol. 15. — P. 176–183.
54. Strelan P. Why drug testing in elite sport does not work: Perceptual deterrence theory and the role of personal moral beliefs / P. Strelan, R. J. Boeckmann // *J. of App. Social Psychology*. — 2006. — Vol. 36 (12). — P. 2909–2934.
55. Striegel H. Randomized response estimates for doping and illicit drug use in elite athletes / H. Striegel, R. Ulrich, and P. Simon // *Drug and Alcohol Dependence*. — 2010. — Vol. 106 (2–3). — P. 230–232.
56. Thevis M. Performance-Enhancing Drugs / M. Thevis, W. Schanzar // *Olympic Textbook of Science in Sport* / ed. by R. J. Moughan. — International Olympic Committee, 2009. — P. 285–303.
57. Tsitsimpikou C. Medication use by athletes at the Athens 2004 Summer Olympic Games / C. Tsitsimpikou, A. Tsiokanos, K. Tsarouhas [et al.] // *Clinical j. of sport medicine*. — 2009. — Vol. 19 (1).
58. Voy R. *Drugs, Sport and Politics* / R. Voy. — Champaign, Illinois: Leisure Press, 1991. — P. 198–199.
59. Waddington I. *Sport, health and drugs: a critical sociological perspective* / I. Waddington. — Taylor & Francis, 2000.
60. Wilmore J. H. *Physiologie du Sport. et de l'Exercice* / J. H. Wilmore. — [5th ed.]: Adaptations physiologiques à l'exercice physique. — De Boeck Université, 2009. — 544 p.
61. World anti-doping code: Version 2. WADA, 2002.
62. World anti-doping code: Version 3. — Copenhagen, Denmark. — 5 March, 2003.
63. World anti-doping code. — WADA, 2009.
64. World anti-doping code. — WADA, 2015. — Режим доступа: <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada-2015-world-anti-doping-code.pdf>
52. Stewart B. Drug use in sport: Implications for public policy / B. Stewart, A. C. T. Smith // *J. of Sport and Social Issues*. — 2008. — Vol. 32 (3). — P. 278–298.
53. Strelan P. A new model for understanding performance-enhancing drug use by elite athletes / P. Strelan, R. J. Boeckmann. — *Journal of Applied Sport Psychology*. — 2003. — Vol. 15. — P. 176–183.
54. Strelan P. Why drug testing in elite sport does not work: Perceptual deterrence theory and the role of personal moral beliefs / P. Strelan, R. J. Boeckmann // *J. of App. Social Psychology*. — 2006. — Vol. 36 (12). — P. 2909–2934.
55. Striegel H. Randomized response estimates for doping and illicit drug use in elite athletes / H. Striegel, R. Ulrich, and P. Simon // *Drug and Alcohol Dependence*. — 2010. — Vol. 106 (2–3). — P. 230–232.
56. Thevis M. Performance-Enhancing Drugs / M. Thevis, W. Schanzar // *Olympic Textbook of Science in Sport* / ed. by R. J. Moughan. — International Olympic Committee, 2009. — P. 285–303.
57. Tsitsimpikou C. Medication use by athletes at the Athens 2004 Summer Olympic Games / C. Tsitsimpikou, A. Tsiokanos, K. Tsarouhas [et al.] // *Clinical j. of sport medicine*. — 2009. — Vol. 19 (1).
58. Voy R. *Drugs, Sport and Politics* / R. Voy. — Champaign, Illinois: Leisure Press, 1991. — P. 198–199.
59. Waddington I. *Sport, health and drugs: a critical sociological perspective* / I. Waddington. — Taylor & Francis, 2000.
60. Wilmore J. H. *Physiologie du Sport. et de l'Exercice* / J. H. Wilmore. — [5th ed.]: Adaptations physiologiques à l'exercice physique. — De Boeck Université, 2009. — 544 p.
61. World anti-doping code: Version 2. WADA, 2002.
62. World anti-doping code: Version 3. — Copenhagen, Denmark. — 5 March, 2003.
63. World anti-doping code. — WADA, 2009.
64. World anti-doping code. — WADA, 2015. — Режим доступа: <https://wada-main-prod.s3.amazonaws.com/resources/files/wada-2015-world-anti-doping-code.pdf>

Национальный университет физического воспитания и спорта Украины, Киев, Украина
Vladimir@platonov.org.ua